

Новая Польша 10/2018

0: Ноги Изольды Морган

В сентябре этого года исполнилось восемьдесят лет со дня смерти Бруно Ясенского, поэта и прозаика, расстрелянного в Москве после года следствия и пыток. Он был самым ярким представителем польского футуризма, затем стал коммунистическим деятелем и, наконец, советским писателем и литературным сановником.

Его личность по-прежнему вызывает в Польше довольно противоречивое отношение, но творчество — прежде всего стихи и роман «Я жгу Париж» — высоко ценится свободными от политических предрассудков литературоведами.

Сегодня нам хотелось бы познакомить читателей с полузабытым произведением Ясенского — микроповестью «Ноги Изольды Морган» (1923), которую мы публикуем вместе с не менее интересным программным вступлением, предвосхитившим эксперименты в нашей современной прозе.

Редакция

Exposé Объяснение, заявление (фр.) — Здесь и далее примеч. пер.

«Словно небо в тяжелых складках,
что нависло, опять не в духе,
я — огромная свиноматка
с миллионом сосков на брюхе».
«Футбол всех святых»

Сдается мне, что на этот раз без предисловия не обойтись. Попробуем подойти к этому по возможности хладнокровно.

Отношение польской публики к моей персоне за последние нескольких лет стало совершенно очевидным и при этом довольно оригинальным, так что в комментариях оно не нуждается. Бывали у нас и раньше авторы любимые и нелюбимые, популярные и непопулярные, обожаемые и вызывающие равнодушие. Эти категории авторов образовывали и образовывают так называемую литературу. Но рядом с этой «официальной» литературой, как бы за ее скобками, в каждой эпохе есть свои «проклятые поэты», о которых говорят неохотно, вскользь, с явной неприязнью. Тут уж ничего не поделаешь. Люди с такими взглядами — заурядные варвары, либо не понимающие той утонченной игры, каковой и является так называемая литература, либо упрямо делающие вид, что ее не понимают.

Представьте, что в некое светское общество, где люди забавы ради разыгрывают какую-нибудь изящную комедию, попадет человек непроинформированный либо, что еще хуже, просто плохо воспитанный и начнет ко всему относиться всерьез. Разумеется, игра будет испорчена, ее участники заберут свои игрушки и повернутся спиной к непрошеному болвану.

Так было всегда.

Случается, что последующие эпохи возводят этих невоспитанных людей на пьедестал и именно их начинают считать героями своего времени, совершенно не переживая за оскорбленную ими приличную компанию.

Иногда такое отношение в общих чертах остается неизменным.

Все зависит от того, выступали ли эти люди от имени какой-то очевидной для них истины или руководствовались исключительно снобизмом *pour passer le temps*^{От скуки, развлечения ради (фр.)}.

Примеры: Христос и Оскар Уайльд.

Пусть история рассудит, к какой из этих двух категорий причислят нас. Споры на эту тему, ведущиеся в нашей прессе вот уже два года, как минимум бесплодны и пусты.

Когда в августе 1921 года в Закопане я возвращался с поэтического вечера, на котором читал свои лучшие стихи, а зрители на протяжении всей Крупувки^{Улица в Закопане} (от «Морского Ока»^{Один из старейших отелей в Закопане, располагавший зрительным залом, в котором выступали многие легендарные деятели польской культуры.} до ресторана Тшаски^{Имеется в виду ресторатор Франтишек Тшаска.}) провожали меня градом камней, достаточно больших, чтобы разбить голову простого (и даже непростого) смертного (к несчастью для них, было слишком темно), я думал о том, что мнение элиты нашего общества, с такой непосредственностью высказанное мне после моего вечера, было для меня вообще-то... слишком лестным. Избиение камнями в 1921 году от Рождества Христова отнюдь не входило в перечень моих амбиций. Я был просто смущен, как бывает смущен автор, которого перехвалили. Вспоминая о том, что я успел сделать до этого, приходится со стыдом признать, что сделано было очень мало и что публика меня явно переоценивает. Впрочем, таково уж свойство публики, она умеет награждать своих любимцев сверх их заслуг. И у этого есть свои плюсы. Ибо автор, которому дано было пережить минуту такого конфуза, наверняка напряжет все свои силы и не обманет возлагаемых не него надежд. Поэтому, несмотря на то, что мои заслуги перед польской литературой довольно скромны, я благодарен закопанской публике за тот вечер. Я в очередной раз убедился, по какой дороге мне следует идти, чтобы не сбиться с пути. И если однажды мне посчастливится вновь пережить нечто подобное, я уверен, что эта щедрость меня больше не унизит.

В различных городах Польши проходили антифутуристские манифестации, полиция сорвала мой вечер в Варшаве, конфисковывались книги, депутаты Кракова просили городские власти не предоставлять мне впредь помещение городского театра для организации там моих вечеров, из Крыницы, где я хотел встретиться с читателями, меня в административном порядке выдворила полиция, поскольку «в интересах Речи Посполитой» мое пребывание там было признано «возмутительным», общественность и депутаты (Дымовский) регулярно срывали с афишных тумб мои плакаты, «национально-демократическая» учащаяся молодежь пыталась не допустить моих чтений во Львове и так далее, и тому подобное — и все эти вехи указывают мне, что с правильного пути я не сошел.

Так что публика была бы несправедлива, считая, что я недооцениваю той роли, которую она сыграла в моем творческом развитии. Наоборот, она выступает постоянным регулятором моего творчества, чем-то вроде предохранительного клапана, определяющего стоимость производимых мной вещей.

Выпуская мою новую книгу, я по ряду причин посчитал необходимым снабдить ее некоторыми *confessions*^{Признания (англ.)} частного характера.

Книга эта несколько отличается от моих предыдущих работ, известных уважаемой публике. Некоторые наверняка тут же начнут рассуждать о смене направления, новом творческом этапе, литературном дрейфе «вправо» и так далее. Этих людей я хотел бы заранее успокоить.

В первую очередь именно эта книга выдержана в духе моего творчества и представляет из себя нечто вроде подведения итогов определенного, хоть и небольшого, его периода.

То, что в качестве литературного жанра я в данном случае выбрал роман, совершенно логично.

Во-первых, провозглашая лозунги демократического искусства, трудно игнорировать роман как таковой, поскольку из 15% читающих поляков 14,75% читают одну беллетристику, и только 0,25% — поэзию.

Во-вторых, пытаюсь очистить от гноя польское искусство, невозможно не задеть эту ее ветвь, поскольку она самая гнилая.

Я не утверждаю, что эта книга может служить примером того, как нужно писать современные романы.

Но она, безусловно, служит примером того, как в наши дни нельзя писать романы. (Эта шутка, которая здесь, дорогой читатель, приходит тебе в голову, свидетельствует только о твоей наивности).

Назло всем моим издателям, которые платят мне за авторский лист, в этом романе ровно столько страниц, сколько нужно (не больше и не меньше), и его архитектурная конструкция абсолютно железобетонна. Унизительные тесемки старого романа, вредящие принципам простой конструкции, надеюсь, бесповоротно остались в далеком прошлом.

Сегодняшний роман должен перестать быть изложением определенных фактов, последовательность которых вызывает у читателя соответствующие этим фактам психические состояния. Эта стратегия изначально ошибочна и может быть успешной только в отношении читателей с очень примитивной душевной организацией.

Современный роман вызывает у потребителя определенные ключевые психологические состояния, на основе которых читатель и конструирует ряд соответствующих этим состояниям фактов. Поэтому каждый читатель может выстроить фабулу по-своему, и в этом заключается ее неисчерпаемое богатство.

Тему для этого романа я выбрал остросюжетную, что, впрочем, не имеет особенного значения. Она зловеща ровно настолько, насколько зловещим становится любой вопрос, если мы решимся додумать его до конца. Попробуем в течение часа поразмышлять о каком-нибудь здании, мимо которого мы проходим ежедневно, совершенно его при этом не замечая — и это здание постепенно приобретет для нас поистине кошмарные размеры. Точно так же, если слишком долго вглядываться в одну точку, реальные контуры предмета начнут расплываться, и там, где только что стояла античная статуя, мы сможем увидеть корову в жилетке и китайца.

Бешеный ритм современной жизни, с неумолимой логикой катящейся, словно по наклонной плоскости, к некоему назначенному пункту со скоростью разогнавшегося радиосигнала, породил совершенно новую разновидность реальности — реальность раскаленной до красна стали, балансирующей на границе галлюцинации.

Вот какова эта книга.

Она также препарирует некий очень характерный аспект современного сознания (который я назвал бы футуристическим сознанием), ставшего итогом последних полутора десятка лет.

Это все, что мне хотелось о ней сказать.

Так называемый дуализм содержания используется здесь мной совершенно сознательно и последовательно, поэтому я прошу уважаемых критиков не тратить время на открытие этой Америки.

НОГИ ИЗОЛЬДЫ МОРГАН
(роман)

«Уж какая ж эта ножка,
ножка, вспухшая немножко!»

Достоевский, «Братья Карамазовы»

«Это случится однажды — внезапно, точно удар под дых...»

Ясенский, «Баллада о трамваях»

1.

Когда четырнадцать пар дрожащих рук, в перчатках и без, наконец-то вытащили из-под передних колес трамвая №18 окровавленное тело Изольды Морган с волочащимися на нитях нескольких сухожилий ногами, отрезанными ниже паха и вселяющими ужас, всеми этими людьми вдруг овладело неприятное чувство совершенной ими бестактности.

Девушке было двадцать три года, у нее были длинные каштановые волосы, рассыпанные в беспорядке, безупречно прекрасное тонкое лицо и чудесные ноги «от ушей» — верный признак всякой породистой женщины.

Дальнейшие события развивались как-то даже чересчур стремительно. Примчалась санитарная карета и тут же умчалась, увозя в своих недрах весь инцидент. Через час обе ноги были уже ампутированы, а вечером больная, помещенная в отдельную палату, спала тяжелым целительным сном без сновидений.

2.

Берг, который на этой неделе развлекался в соседнем городе, был извещен о случившемся только на другой день коротким и невнятным письмом, в котором шла речь о какой-то аварии. Его просили немедленно приехать.

Гомон перрона, грохот дверей, запах свежей краски, пляшущий калейдоскоп деревьев на диафрагме окна — все это, словно бисеринки четок, нанизанные на нитку неясного глухого беспокойства, осыпалось в глубину его души, оставив на ней длинную отвесную царапину.

Когда, представившись дежурному врачу, он слушал бесстрастный отчет о произошедшем, то был уже совершенно спокоен.

После того, как ему все рассказали, он попросил о свидании. В палату он вошел в сопровождении доктора.

Больная не спала.

Она лежала на спине с широко открытыми глазами.

Берг встал у нее в ногах. Он был готов к тому, что нужно будет что-то сказать, однако в этот момент ничего подходящего ему в голову не приходило (...тяжелые, пушистые свечи каштанов в долгой, идеально прямой перспективе, холодный влажный вкус губ, прижатых к губам, тепло маленькой руки, проникающее сквозь замшевую перчатку... помнишь...).

Он даже попытался улыбнуться, но в этот момент его взгляд наткнулся на обвисшую линию одеяла, создающую уму непостижимую пустоту ниже бедер (...Боже, Боже, только не думать...).

Какая-то липкая сладкая жижа подступила ему к горлу.

И снова каштаны, и снова вкус влажных губ, и долгая узкая нагота, вынырывающая из солнечной пены юбок (...тихо, тихо, дорогая, не буду же я кричать...).

Какая забавная физиономия у этого доктора. Левый ус у него обвис, словно у майского жука, на кончике носа вскочил прыщик.

И тогда он встретился взглядом с ее глазами, глазами испуганной побитой собаки (...у отца, во дворе — утопили ее щенков...). Глазами, словно молящими о пощаде, впившимися в него в напряженном ожидании.

Он почувствовал, что тушует под этим взглядом, что краснеет, как мальчишка, что стоит тут уже несколько минут, что нужно наконец что-то сказать и что он ничего не скажет. И вдруг ему захотелось сбежать (...на улице люди, экипажи, гомон и грохот, звон трамваев, дзынь-дзынь...). Почему у этого доктора такая странная физиономия? О, вот и дверь, теперь скорее домой, домой!

Он бежал, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, пока не оказался на улице, где смешался с пестрой разгоряченной толпой. Споткнулся и упал, весь красный, горячий, как кумачовая тряпка. Круглая, круглая бесконечность. И над раздувшейся буквой «I» улиц горит жирная точка солнца.

Люди бежали, шли и толкались, рычали автомобили, звенели трамваи, выплевывая и заглатывая на остановках пассажиров и проезжая мимо него с равномерным скрежетом граненых рельсов.

3.

Уже поздно вечером к старшему санитару клиники, Тимотеушу Лерхе, старому бывалому громиле с лицом, покрытом оспинами и рыжей щетиной, подошел хорошо одетый молодой человек, который, отозвав санитаров в сторону и вертя в пальцах пятисотфранковую банкноту, спросил его, не окажет ли он ему одну услугу. Тимотеуш Лерхе заверил незнакомца, что находится в его полном распоряжении. Тогда тот, по-дружески взяв его под руку, пояснил, что он является родственником привезенной сюда два дня назад Изольды Морган, попавшей под трамвай, и что он хотел бы, если это возможно (при этих словах банкнота многообещающе зашелестела), получить обе ампутированные ноги своей кузины.

Тимотеуш Лерхе, ничем не выдав своего удивления, послушно кивнул в знак того, что все понял, пообещав только уточнить, не были ли уже выброшены конечности вместе с другими отходами, после чего удалился, указав посетителю на стул.

Через двадцать минут он вернулся, неся под мышкой большую длинную коробку, тщательно завернутую в серую бумагу. Со стороны могло показаться, что это коробка из модного магазина готового платья, а розовая ленточка, которой была обвязана картонка, придавала ей праздничный вид. Тимотеуш Лерхе молча подал сверток незнакомцу. Пятьсот франков опустились в карман его халата. Затем санитар поинтересовался, не прикажет ли незнакомец, чтобы мальчик-посыльный отнес коробку к нему домой.

Молодой человек, однако, не воспользовался этим предложением и, взяв сверток под мышку, вышел на улицу один, сопровождаемый низкими поклонами санитаров и двух вахтеров.

4.

В конторе, где работал Берг, новость о случившейся с ним беде распространилась молниеносно, создав вокруг несчастливца атмосферу приглушенных перешептываний и молчаливого сочувствия.

«Товарищество городской электростанции», где Берг был одним из дюжины инженеров, предложило ему месячный отпуск. Берг отказался. Он по привычке приходил на работу очень рано. Вечерами его нигде не видели. Приятели, решив однажды провести его после работы, обнаружили на дверях листок бумаги с надписью «Не беспокоить».

Все знали, что после того визита у Изольды он больше ни разу не был у нее в клинике, и находили этому самые разные объяснения. Во всем остальном он был такой же, как и всегда, разговаривал, улыбался. Со временем окружающие стали поговаривать, что любовь Берга к Изольде была не такой уж сильной. Понемногу эта уверенность передалась всем. А вскоре на Берга и вовсе перестали обращать внимание. Разве что чувствовали какую-то необъяснимую обиду за то, что он так легко смирился со своим несчастьем и обо всем забыл.

5.

Это были вызывающе белые и удивительно длинные ноги. Увенчанные маленькой узкой стопой с высоким сводом, весьма изящные в суставах, они вспыхивали безупречно вылепленной голенью, очень продолговатой, твердой и упругой. Начиная с миниатюрных колен белое бедро с его бархатным лоском было целиком покрыто сетью едва заметных голубых жилок, придающих женскому телу величественность мрамора. Маленькие стопы по-прежнему утопали в неглубоких лакированных туфельках, а черные шелковые чулки окаймляли ноги выше колен, как и в те времена, когда те еще носили свою хозяйку. Ампутация произошла очень быстро, и ноги были отрезаны возле самого паха, так что обнажать их полностью не было необходимости. Помещенные на кушетку и небрежно закинутые одна на другую, укрытые сверху широким пледом, они производили впечатление живых конечностей спящей, накрытой с головой женщины.

Берг просиживал над ними часами. Он знал любую их мышцу, называя каждую по имени. Проводя рукой вдоль *quadriceps cruris*^{Четырехглавая мышца (лат.)}, он нежно ласкал внутреннюю сторону бедра в том месте, где пах с коленом соединяет тонкая, едва заметная мышца *gracilis*^{Тонкая мышца (лат.)}, известная также как *defensor virginittatis*, самая слабая из всех мышц женской ноги. Вся его болезненная любовь к Изольде сконцентрировалась теперь на ее ногах. Он часами лежал на кушетке, прикинув губами к мягкой ароматной коже порозовевших бедер, как в те дни, когда он ласкал их, а они еще принадлежали ей. О самой Изольде он думал очень редко. Точнее, не думал совсем. Сцена в клинике не вызвала в нем ничего, кроме чувства отчуждения и брезгливости. Какое ему, собственно, дело до этого отрезанного куса женской плоти,

бесформенного обрубка, отвратительного и зловещего? Прижавшись в сладкой истоме к ее чудесным ногам, которые теперь полностью принадлежали ему, он чувствовал себя абсолютно счастливым.

То, что ноги Изольды спустя две недели оставались столь же розовыми и свежими, как и в первый день после операции, было для него чем-то совершенно естественным. Ничего другого он себе и представить не мог — это показалось бы ему таким же нонсенсом, как утверждение, что Нике Фидия грозит разложение, поскольку у нее нет головы. Впрочем, это ведь по-прежнему были ноги живой женщины, простой случайностью отделенные от всего остального тела, но не переставшие из-за этого быть ее органической частью, слившейся навсегда с ее живой неделимой личностью.

6.

На часах полночь. Нынче ночью Берг дежурит на электростанции. В принципе, он мог бы сидеть в своем кабинете наверху, однако в глубине души он боится одиночества, хотя и не признается себе в этом.

Яркий свет ламп, ровное гудение машин успокаивают и навевают сон.

Берг проходит по очереди между двух рядов работающих машин.

Свист вращающихся спиц и рокот двигателей. Музыка разогретой стали.

Некоторое время Берг неотрывно смотрит на вращающееся колесо, и у него слегка начинает кружиться голова. Тут же его внимание привлекает огромный поршень, равномерно вздымающийся и опускающийся. Поршень издает глухое усталое сопение. Бергу это напоминает совокупление. Он почти с ужасом смотрит, как огромный поршень неумоимо опускается и вновь поднимается. Машина сношается.

— Почему же они все-таки не размножаются сами, — бормочет Берг и чувствует, как вдоль его позвоночника бегут холодные мурашки. — Дикие бесплодные звери, — бросает он, не оглядываясь, и ускоряет шаг.

Но аллее машин конца-края не видно. Справа и слева в безумном темпе опускаются и поднимаются двигатели. Берг чувствует, как его обдаёт суровой безграничной ненавистью, веющей от машин. Извечная ненависть работника к своему эксплуататору. Он чувствует себя маленьким и беспомощным в окружении этих железных существ, словно его бросили им на растерзание. Ему хочется кричать, и только последними усилиями сознания он приходит в себя. «Они ненавидят меня, — отчетливо понимает он, — но они вмонтированы в пол и не могут мне ничего сделать». Желая показать самому себе, что ему не страшно, он останавливается возле одной из машин и некоторое время насмешливо присматривается к ней. Колеса вращаются здесь немного медленнее, словно нехотя. Зверь притаился и ждет. Берг внезапно чувствует непреодолимое желание коснуться рукой вращающейся спицы. Он не может отвести взгляд от стальной детали.

— Только дотронусь и сразу отдерну руку, — внятно говорит он сам себе. Он хочет отскочить от машины и убежать, но не может. А колесо, кажется, вращается все медленнее, все ленивее... Огромная рука спицы растёт, вытягивается... Слышно ее холодное дыхание. Еще секунда — и она коснется его лица. Господи!

Внезапно Берг чувствует острую боль в плече. Чьи-то крепкие пальцы хватают его и отбрасывают с невероятной силой вбок. Он слышит суровый хриплый голос, похожий на звук иерихонской трубы:

— Осторожно! Еще немного, и вас затянуло бы в машину.

Он видит над собой закоптелое лицо рабочего, его большие голубые глаза, всматривающиеся в Берга из-под нахмуренных бровей.

— Идите-ка лучше наверх и поспите, мы уж там сами за всем присмотрим, — произносит рабочий с той самой не терпящей возражений интонацией, перед которой Берг чувствует себя безвольным и слабым, как ребенок.

Сильная костлявая рука ведет его, почти несет через зал, и отпускает во дворе.

— Спасибо, — тихо говорит Берг и видит над собой огромное черное лицо неба, обильно усеянное прыщами звезд.

Спустя неделю после этого происшествия Берг покинул электростанцию раньше обычного и направился за город. Золотой осенний день пахнет китайской розой. Безграничное спокойствие воздуха внушает тревогу и ужас. Все погружено в сон, ни одна ветка не дрогнет, только один за другим в этой убийственной тишине облетают листья и падают на песок, неспешно закручиваясь серпантинном. Неподвижная поэзия осени.

Сухие падают листья, размеренно падают, тихо, шелестя, устилают бархатом землю, испугавшись разлитой в воздухе смерти. Над складками этой постели, красной, лиловой и желтой, солнце садится неспешно, вяло, меланхолично.

Только что в шестерни самой большой машины попал старший механик Гинтер. Когда его вытащили, он был уже бесформенной кровавой массой.

Бергу вспоминать об этом неприятно, и он старается не думать о Гинтере. За неделю, прошедшую с той памятной ночи, ощущение какой-то навязчивой и упрямой враждебности нарастает с каждым днем, и Берг не может от него отделаться. Всякий раз, когда ему нужно пройти через машинное отделение, он старается сделать это побыстрее, не глядя по сторонам. Дуновение тупой бессильной ненависти, которой веет из машинного зала, наполняет его холодным необъяснимым ужасом. Он смотрит в лица рабочих и пытается уловить на них похожее чувство, однако их лица непроницаемы, они глядят на него невесело и строго. С некоторого времени Берга преследует мысль, что эти люди, работающие здесь по несколько лет, давно посходили с ума. Он ловит себя на том, что следит за их движениями, рассчитывая найти подтверждение своим догадкам. Когда ему случается перекинуться парой слов с рабочим, он чувствует, что приходит в замешательство, и поэтому ему приходится заканчивать разговор как можно скорее.

«Только бы самому не сойти с ума», — думает Берг, а подумав так, решает сменить место работы.

Да, это будет лучше всего. Он уволится, затем устроится на конторскую работу. Это наверняка его успокоит.

Внезапно он слышит за собой дикий рев мотора. Пронесшийся мимо автомобиль задевает его поворотником и отбрасывает на тротуар. Из автомобиля раздается площадная брань.

Берг совершенно выбит из колеи. Ему приходится опереться о дерево, чтобы собраться с мыслями. Страх, загнанный куда-то в глубь, снова подкрадывается и заглядывает ему в глаза.

— Нужно все это продумать, как следует продумать, — повторяет Берг и в ту же секунду чувствует, что все за него уже продумано изначально. Выхода нет. Пару минут назад он наивно полагал, что достаточно сменить работу, чтобы отгородиться от ненависти машины. Теперь он видит, что машина подстерегает его повсюду. Каждый его шаг определяет машина.

Берг вдруг чувствует себя в осаде. Все машины, которые он когда-либо видел, выползают из закоулков сознания и окружают его железным кольцом. Как слабая нить света посреди этого лабиринта криком вспыхивает в нем имя: Изольда! Он оглядывается по сторонам. Он забрел куда-то далеко, в неизвестные ему места. Только сейчас Берг чувствует, как же сильно он устал. Нужно возвращаться домой. Подъезжает трамвай. При виде трамвая он вздрагивает. Ему хочется кричать. Берг смотрит в лицо пассажира, сидящего у окна справа. Оно похоже на маску — добродушную, спокойную, самодовольную. Внезапно под действием взгляда Берга эту маску раскалывает надвое жуткая щель улыбки, и Берг на долю секунды видит алую зияющую пасть безумия в нескольких сантиметрах от своего лица.

Все более странная атмосфера царит на электростанции. Незаметные перешептывания рабочих после смерти Гинтера превратились в тихое ворчание. Берг все чаще натывается в машинном отделении на группы рабочих, разбегающихся при его появлении.

На дверях электростанции вот уже два дня висит небольшой квадратный лист бумаги с воззванием. Его никто не срывает.

Берг долго плакал той ночью, положив голову на ноги Изольды. Час пробил. Судьба выводит его на авансцену, наделив ролью освободителя.

9.

Машинное отделение, погруженное во мрак, зияет пустотой. С того момента, как Берг закрыл за собой дверь, он стоит, опершись о стену и все хуже понимает, зачем он вообще сюда пришел. С тех пор, как он появился здесь впервые, будучи еще совсем молодым инженером, он никогда не видел этого зала молчаливым и неосвещенным. Он ошеломлен. В первую секунду ему хочется зажечь свет, однако он тут же вспоминает, что электричества нет во всем городе, так как электростанция не работает. Это возвращает его к действительности. Он старается мыслить трезво. Берг достает из кармана специально приготовленный фонарь и включает его. Узкая полоска света разрезает мрак. Из-за этого мрачная бездна кажется еще более темной.словно черные крылья гигантских чудовищ, из нее показываются огромные контуры колес.

Берг чувствует, что если останется здесь хотя бы еще на минуту, то обратится в бегство. Он делает несколько шагов. Теперь он двигается уже совершенно механически. Путь кажется ему удивительно длинным. Берг думает, что он его уже прошел, и нужно возвращаться. Он поднимает фонарь. И только сейчас видит, что стоит под тем же самым приборным щитком. В резком свете луча, словно зрачки дикого животного, тлеют глаза часов.

Берг вынимает из кармана пальто молоток и ножовку.

Глаза часов всматриваются в него спокойно и безучастно. Рука, в которой он сжимает молоток, холодна и уверенна. Главное сейчас — сохранять спокойствие.

Очи манометров становятся странными и магнетическими. Они напоминают Бергу увиденного однажды в цирке факира, который взглядом гипнотизировал змею. Сейчас он чувствует себя, как змея, которая хочет ужалить, но не может пошевелиться, обездвиженная этим странным взглядом. Это продолжается не дольше минуты. Тогда последним усилием воли Берг резко взмахивает молотком и с удивительной для себя самого силой обрушивает его на приборный щиток.

Треск крошащегося мрамора разрывает тишину. Ясный и теплый покой, глубокий, как пруд... И вдруг происходит что-то невероятное: яркий безбрежный свет ослепляет его на секунду. Черные неподвижные колеса начинают вращаться. Берг вдруг чувствует удар чем-то твердым по голове и падает, ударяясь лицом об пол.

10.

На четвертой странице единственной газеты, весь тираж которой расхватили буквально за час, между объявлениями чернеет маленькая заметка, набранная петитом: «...обвиняемый в саботаже инженер Витольд Берг, задержанный с поличным при попытке уничтожить машины, обеспечивающие работу городской электростанции, предстанет перед рабочим трибуналом...».

11.

В огромном фабричном цехе колыхалось море людских голов. В центре возвышалась наспех сколоченная из ящиков трибуна. Худой веснушчатый студент, моргая белесыми ресницами, равнодушно зачитывает обвинительное заключение. Чернявый прилизанный бухгалтер, перехваченный в талии широким ремнем, медленно, с благоговением переворачивает страницы общей тетради. Веснушчатый студент время от времени повышает голос, который сразу начинает звучать немного плаксиво, и тогда ему вторит ропот толпы, словно ветер, проносящийся по цеху. От заседателей веет скукой и безнадеей. Приговор всем заранее известен, речь идет только о соблюдении необходимых формальностей.

Наконец студент садится, вытирая нос платком, а бухгалтер произносит тонким металлическим голосом, обернувшись куда-то вправо:

— Прошу привести обвиняемого.

Глухой ропот проносится по залу. Затем правая дверь с грохотом распаивается, и под конвоем четырех рабочих, вооруженных маузерами, входит Берг. Толпа слегка расступается, чтобы пропустить их к трибуне.

Гомон усиливается, постепенно превращаясь в шум недовольных голосов.

Звонок. Допрос продолжается.

Стрелки часов движутся с упрямой черепашьей немощью.

Неожиданно шум усиливается, и море людских голов, словно его кто-то подтолкнул, разворачивается в сторону трибуны.

На трибуне стоит Берг. Он очень бледен, взгляд его блуждает, прядь волос спадает ему на лоб. Одет он безупречно, на нем жакет. Он говорит звонким спокойным голосом, часто останавливается, подыскивая нужное слово:

— Настал день мести. Осознав свои цели, пролетариат начинает борьбу. Чтобы борьба увенчалась успехом, необходимо в первую очередь понять, кто же наш смертельный враг. Нужно уничтожить этого врага, и со злом будет покончено.

Достаточно отобрать средства у буржуазии, и армия пролетариата сразу вырастет на несколько миллионов голов. Но главная проблема пролетариата все равно не будет решена. Есть у него и другой враг, находящийся совсем близко, враг, с которым рабочий сталкивается ежедневно, за работой, которая незаметно пожирает его силы, здоровье, а иногда и жизнь. Этим врагом является машина. Напрасно буржуазная цивилизация гордится машиной, как величайшим достижением, которое так облегчает ей жизнь. Полагая, что изобретение машины дало ей новое оружие для борьбы со стихией и новый способ эксплуатации пролетариата, буржуазия ошиблась. Машина вымахала как паразит, проникла во все уголки жизни, и из рабочего инструмента постепенно превращается в хозяина. Буржуазия уже полностью поработана машиной и не может без нее обойтись.

Но рабочий всегда ненавидел машину. С самого начала она была для него бедой и проклятием. Десятки тысяч безработных, тысячи смертей и увечий, вдовы и сироты без хлеба — вот что такое машина для рабочего. Сейчас, когда настал час открытой и победоносной борьбы, задача пролетариата — освободить человечество из-под власти машин. Необходимо уничтожить машину, уничтожить немедленно, если мы не хотим, чтобы она уничтожила нас.

Берг прекрасен в эту минуту. Его лицо горит румянцем, пряди волос закрывают лоб.

Раздается несколько аплодисментов, затем наступает долгая неуверенная тишина. Берг спускается с трибуны. Из-за стола встает веснушчатый студент. Он перепуган. Суетливо моргает глазами. Говорит торопливо и раздраженно. Ему кажется, что инженер решил просто поиздеваться над трибуналом, но аплодисменты, которые он слышал (следует нерешительный поворот в сторону), вынуждают его ответить. Уничтожение машин, которые являются культурным достижением всего человечества, а значит и пролетариата, было бы возвращением к варварству. Машины одинаково служат как хозяевам, так и работникам. Как же пролетариат обойдется без машин? Ведь и трамваи, и водопровод, которыми пользуется каждый — это тоже машины.

Берг не слушает до конца. Он протискивается сквозь толпу на улицу. Люди расступаются перед ним. Идет мелкий осенний дождик, сбивчивый, словно плач. Берг чувствует, как что-то душит его за горло. Его речь и его призывы кажутся ему дурацкой пародией. К чему все это? Ведь они такие же, как и их хозяева, только немного глупее. Да и потом, уже поздно.

Несколько дней спустя, когда началась всеобщая забастовка, Берг утром вышел на улицу. День начинался ясный, солнечный. На площадях стояла тишина. Трамваи не ходили. Берг вышел на самый широкий проспект и шел вверх. Улицы как-то странно пульсируют, словно пьяные. Из каждой подворотни тянет тревогой. Тишина медленно тяжелеет. Все затаилось, словно в ожидании какого-то события. Берг ускоряет шаги. Необычная

тишина начинает мучить его. Ему хочется вернуться домой. На углу улицы кто-то хватает его за плечо. Светлоголубые глаза и кепка с козырьком, которую он уже где-то видел. Механик с электростанции.

— Я слышал, как вы выступали в суде, — говорит рабочий звучным мягким голосом. — Я не все понял из того, что вы говорили, но вы сказали, что наступает время, когда машины будут управлять нами, а не мы ими. Но посмотрите — одно наше движение, и все остановилось. И тишина такая, как перед сотворением мира. Что вы теперь скажете?

Он весь цветет и сияет, источая солнечный свет, радость и силу: мы! мы! Берг смотрит ему в лицо, и его охватывает безумное желание лишиться этой радости и увидеть в этих круглых глазах животный ужас. Они идут по тротуару в сторону триумфальных ворот. Берг говорит:

— Теперь уже все равно. Вы не разгадали душу машины, вы, те, кто стоял к ней ближе всех. А ведь это так просто. Душа машины — это движение, *perpetuum mobile*. Так что единственный воздух, которым нам остается дышать — это наша ограниченность. Последствия очевидны. Мы сделали себе смертельную прививку, которая постепенно подчинит нас целиком.

— Мы движемся к финалу, причем с математической точностью. Вскоре все вокруг нас заменят машины. Мы будем передвигаться среди машин. Каждый наш шаг будет зависеть от машины. Мы капитулируем. Мы полностью отдаем себя в руки чуждой, враждебной нам стихии. Обруч железного усилия нервов, который еще удерживает нашу власть над ними, вот-вот лопнет. И тогда нам остается либо борьба, либо безумие. Никто пока что этого не видит и не понимает. Мы ослеплены своей силой. Но выхода нет. Мы сами окружили себя со всех сторон. Впрочем, это уже успело проникнуть и в наши души. Вы уже не можете жить без машины. Вы — уже нет. Сопротивление бесполезно. Остается ждать. Яд уже бродит в нашей крови. Мы отравлены собственной силой. Сифилис цивилизации.

— До свидания, — наклонился он вдруг к уху механика, крепко сжав ему руку. — Мне в ту сторону...

13.

Поздним вечером, когда дежурный полицейский 10-го комиссариата уже собирался вздремнуть, в комиссариат появился мертвенно бледный человек со сверкающими глазами, представившийся Витольдом Бергом, инженером городской электростанции, и заявил, что у него украли ноги. При этом он категорически настаивал, чтобы ему немедленно выделили в помощь несколько агентов, поскольку он не может ждать ни секунды.

В комиссариате на тот момент было всего два человека, поэтому дежурный полицейский очень вежливо объяснил посетителю, что ему придется немного подождать, поскольку людей нет на месте, и с ними можно связаться только по телефону. Прибывший заявил, что дело не терпит отлагательств, и раз ему не могут помочь в этом комиссариате, он отправится в другой.

Дежурный старался задержать его, используя все мыслимые аргументы. Его товарищ, отлучавшийся позвонить, вернулся и заявил, что самое большее через три минуты агенты будут здесь.

Приступили к составлению протокола.

Однако полицейским больше ничего не удалось выведать у незнакомца — он только повторял, что сегодня, пока его не было дома, у него украли ноги.

— Вот и наши люди, — дружелюбно сказал дежурный. — Зря вы переживали.

Вошли несколько плечистых мужчин и встали по обе стороны двери.

— Агенты в вашем распоряжении, — сказал звонивший полицейский. — Будьте любезны, покажите им дорогу.

Берг на прощание пожал полицейскому руку, которую тот поспешно протянул ему, и вышел первым. Однако не успел он переступить порог комиссариата, как почувствовал на себе дюжину сильных рук, которые повалили его на землю. Он пытался вырваться, дергался, кусался, катался вместе с державшими его людьми по земле, несколько раз ему даже удавалось освободиться, но в конце концов он упал, оглушенный и связанный. Он чувствовал, что плывет куда-то вниз по крутому склону; потом ненадолго его овеял влажный весенний воздух.

Наконец ему показалось, что его запикивают в какую-то тесную коробку. Крышка коробки захлопнулась. Берг потерял сознание.

Дежурным 10-го комиссариата, видимо, не суждено было уснуть той ночью. Едва стихли шаги вниз, комиссариат был извещен по телефону, что на улице N в доме №14 отравилась серной кислотой журналистка Изольда Морган, которая два месяца назад в результате трамвайной аварии потеряла обе ноги.

14.

Когда он очнулся, было уже совсем светло. Через небольшое зарешеченное окно под потолком в помещение струился ослепительно белый свет месяца. Комната была маленькая, без мебели. В снопе лунного света переливался вымощенный камнями пол.

Он поднялся легко и плавно. Только теперь он заметил, что связан. Без малейших усилий он сорвал с плеч какой-то подозрительный халат и сунул его под кровать. Месяц светил ясно и невозмутимо.

«Пойду на улицу», — подумал Берг и подошел к двери. Однако у двери не было ручки, и она была заперта. Тогда он медленно подошел к стене, поднажал слегка, отодвинул ее и вышел.

На улице его сразу поглотила возбужденная, спешащая куда-то толпа. Он шел, то и дело подталкиваемый другими людьми, по широким, ярко освещенным улицам, которые были ему незнакомы. Месяц сиял, словно огромная электрическая лампа, заливая все вокруг ярким холодным светом. На углу одной из улиц он вдруг почувствовал, что кто-то взял его под руку. Он повернул голову. Рядом с ним шла стройная молодая девушка с милым детским лицом и длинными темными ресницами. Они шли, не говоря друг другу не слова. На следующем перекрестке девушка свернула. Он послушно шел рядом с ней, даже не задумываясь, куда идет. Так они прошли вместе всю улицу. На следующей девушка завела его в большой черный дом, слабо освещаемый керосиновой лампой. Он поднялся по узким деревянным ступенькам на третий этаж. Она повернула ключ в замке и открыла дверь.

В небольшой, чисто обставленной комнате она усадила его на кровать и начала раздеваться. Когда она сняла сорочку, он увидел, что у нее маленькие, очень белые и упругие груди и широкие, ладно скроенные бедра. Он вспомнил, что уже два месяца у него не было женщины. Он взял ее жадно, как вгрызаются в краюху хлеба во время голода. Бедра у нее были мягкие и эластичные, словно на пружинах — они ритмично поднимались и опускались, так что Берг мог оставаться неподвижным, а соитие происходило как бы само по себе. Он брал ее еще и еще. Когда он, уставший, вытянулся на подушках, она начала одеваться. Тут он вспомнил, что у него нет денег, и сказал ей об этом. Она не рассердилась. Быстро оделась. Сказала, что ей нужно идти. Они вышли, и у подъезда разошлись в разные стороны.

Улица, по которой шел Берг, была полна народу. Все быстро бежали, будто чем-то напуганные, в одну сторону. Чтобы его не затолкали, Берг сошел с тротуара и дальше шел по проезжей части. Он думал о странной женщине, с которой он только что был, и о ее удивительных бедрах. Вдруг он услышал за спиной протяжный зловещий скрежет. Он обернулся. Прямо за ним ехал трамвай, уже почти касаясь его спины. В этот момент Берг заметил, что идет прямо посередине стертых до блеска рельсов. Он кинулся бежать что было сил. Свернуть в сторону он не мог. Берг отлично понимал, что стоит ему коснуться ногой рельса, как он поскользнется и трамвай переедет его. Он бежал вперед между рельсами с поразительной для самого себя скоростью, слыша за спиной зловещее пение гонящегося за ним трамвая. Он пытался кричать — бесполезно. Стоп, секунду, тут ведь должна быть какая-нибудь остановка... Но остановки не было. Наконец она замаячила вдали. Берг напряг все силы. Только бы добежать. И он добежал.

Но трамвай не притормозил на остановке и несея дальше все с той же скоростью. Так они миновали одну остановку, потом следующую. Вдруг Берг почувствовал, как волосы зашевелились у него на голове, а ноги словно налились свинцом. В голове зазвучало старое, полузабытое, когда-то написанное им восьмистишие:

Это случится однажды — внезапно, точно удар под дых, но при этом буднично, как история, почти бытовая: вы вдруг заметите, что на остановках любых перестали останавливаться грохочущие трамваи. Они будут вихрем лететь, источая адреналин, и трястись на ходу, как если бы бил их припадок, чехарда одуревших, багровых, задыхающихся машин — двоек, троек, пятерок, девяток.

Он обернулся — трамвай догонял, почти касаясь его спины. На табло горел номер «9». Мимо пронеслись другие трамваи. На задней площадке одного из них Берг увидел держащуюся за поручень Изольду, которая махала ему платочком. Тогда из последних сил он подпрыгнул и уцепился обеими руками за торчащий глаз фонаря, повиснув в воздухе.

Рядом с ним пролетали один за другим длинные ошалевшие трамваи, полные бледных, обезумевших от ужаса людей.

1: Хроника (некоторых) текущих событий

- «Реформа будет доведена до конца, несмотря на отчаянное сопротивление, принявшее невиданный доселе масштаб. И тут не поможет давление из-за границы, не спасут попытки втянуть в это дело Европейский суд! (...) Существенная часть судейского сообщества объявила нам войну. Наша реформа саботируется, а в некоторых регионах имеет место сидячая забастовка», — министр юстиции и генеральный прокурор Збигнев Жэбро. («Сети», 20-26 авг.)
- «Европейская комиссия постановила, что закон о Верховном суде противоречит законодательству ЕС, в первую очередь потому, что лишает действующих судей возможности выносить решения. Если Варшава с этим не согласится и оперативно не скорректирует польское законодательство, дело, скорее всего, будет направлено в Европейский суд». (Енджей Белецкий, «Жечпосполита», 16 авг.)
- «Если Европейский суд совершит прецедент и санкционирует приостановление Верховным судом юридической силы законов, у нашего правительства не будет другого выхода, кроме как проигнорировать решение Европейского суда как противоречащее Лиссабонскому договору и самому духу европейской интеграции», — вице-министр Ярослав Говин, министр науки и высшего образования. («До Жечи», 27 авг. — 2 сент.)
- «“Правление Европейской сети Советов правосудия полагает, что Национальный совет правосудия перестал быть независимой от исполнительной власти структурой и в этой связи не может гарантировать поддержку судейского сообщества в его миссии независимого осуществления правосудия. В этих обстоятельствах правление предлагает приостановить членство Национального совета правосудия в Европейской сети Советов правосудия. Это станет отчетливым сигналом для польского правительства и польских судей”, — говорится в резолюции, принятой в четверг Правлением Европейской сети Советов правосудия. Резолюцию подписали представители советов правосудия из Голландии, Бельгии, Хорватии, Англии, Уэльса, Италии, Литвы, а также Португалии. Европейская сеть объединяет советы правосудия стран Европы, в ее состав входят 24 члена». (Лукаш Возницкий, «Газета wyborcza», 18-19 авг.)
- «“Закон должен служить обществу (...), а не только крупнейшим политическим партиям. И тем более правящая партия не должна воспринимать свою лидирующую позицию как привилегию, защищающую ее от граждан”, — подчеркнул в своем заявлении пресс-секретарь Конференции Епископата Польши, о. Павел Рытель-Андрианник». («Супер-экспресс», 11-12 авг.)
- «Вице-председатель Конституционного трибунала Мариуш Мушинский не обладает полномочиями по вынесению решений в составе Конституционного трибунала, постановил в июне Воеводский административный суд в Варшаве». («Газета wyborcza», 25-26 авг.)
- «В ночь с 16 на 17 декабря 2016 г. (...) перед Сеймом собрались люди, чтобы выразить свой протест в отношении политики парламентского большинства. (...) 13 из них было предъявлено обвинение за то, что не они не желали покинуть место собрания. (...) Во вторник (...) суд оправдал всех обвиняемых. “Протестующие пришли к зданию парламента, чтобы воспользоваться своим правом на свободу собраний. Правом, которое им гарантирует конституция, — обосновал свое решение председатель судейской коллегии Лукаш Билинский. — Трудно понять, для чего нужно было пытаться помешать людям воспользоваться этим правом. А именно такой попыткой и было направление в суд обвинительного заключения”». (Норберт Фронтчак, «Газета wyborcza», 22 авг.)
- «Станислав Дембовский, активист люблинского Комитета защиты демократии, надел на памятник Леху Качинскому в Бяла-Подляске футболку с надписью “Конституция”. Полиция мгновенно задержала Дембовского, обвинив его в осквернении памятника, за что уголовным кодексом предусмотрено наказание в виде денежного штрафа либо ограничения свободы. Сотрудники полиции также забрали у Дембовского мобильный телефон и

фотоаппарат. (...) Станислав Дембовский — инженер-строитель на пенсии». (Томаш Ковалевич, «Газета wyborcza», 8 авг.)

- «Все большие масштабы приобретает хеппенинг Комитета защиты демократии, в ходе которого активисты надевают на различные памятники футболки с надписью “Конституция”. (...) В четверг вечером в Гданьске футболки с надписью “Конституция” украсили памятник Яну Собескому, скульптуру “Дыхание свободы”, а также популярную среди туристов фигуру Нептуна. (...) Группа “Подкарпатские мятежники” в Жешуве одела в такую футболку памятник Тадеушу Налепе. В Познани на скульптурах борющихся козликов, Зыги-фонарщика, а также на памятнике Каролю Марчинковскому тоже появились футболки с надписью “Конституция”». («Ангора», 19 авг.)

- «За несколько дней в такие же футболки с надписью “Конституция” были одеты памятники в различных городах Польши. “Приоделись”, в частности, Николай Коперник в Ольштыне, Тадеуш Костюшко в Радоме, варшавская Сирена (русалка) и краковский Дракон на Вавеле. В Бяла-Подляске активисты Комитета защиты демократии надели футболки на памятник Марии и Леху Качинским. Как и в Щецине, полиция отреагировала молниеносно. Обвинения в осквернении памятника предъявлены двум людям, еще к одному активисту полиция явилась домой в шесть утра, чтобы провести там обыск. (...) В центре Лодзи на улице Петровской ночью в футболку был облачен памятник Мишке-ушастику. (...) В Радоме полиция записала данные четырех активистов из ассоциации “Радомчане для демократии”, которые надели футболку с надписью “Конституция” на памятник Яну Кохановскому. (...) В Торуні полиция собирается направить в суд ходатайство о применении меры наказания к члену Комитета защиты демократии, который “одел” памятник Николаю Копернику. (...) В Познани (...) на площади в центре города группа активистов Комитета защиты демократии (...) обрядила в футболку с надписью “Конституция” памятник Адаму Мицкевичу». (Петр Житницкий, «Газета wyborcza», 20 авг.)

- «Вечером в воскресенье футболка с надписью “Конституция” вновь украсила щecinский памятник Моряку, с которого она была украдена в ночь с субботы на воскресенье. (...) Ранее памятник был одет в футболку с надписью “Конституция” в субботу, причем по согласованию с городскими властями». («Газета wyborcza», 10 сент.)

- «Снова приходится с болью в сердце слушать заявления о том, что в Польше правит конституция, а не Евангелие», — архиепископ Вацлав Дедо. («Тыгодник повшехны», 26 авг.)

- «Предприниматели вслух выражают свою обеспокоенность польским судопроизводством. Все чаще менеджеры крупных фирм, работающих в Польше, в случае тяжбы отдают предпочтение не отечественной юрисдикции, а немецкой либо французской. (...) Все чаще не хотят иметь дела с польским правосудием также предприниматели, ведущие бизнес исключительно в Польше. (...) Мы поинтересовались у юристов, станет ли за ближайшие пять лет политическая ситуация в стране более благоприятной для бизнеса. 52% юристов считают, что будет еще хуже, 46% не ждут каких-либо изменений, и только один респондент ответил, что ситуация улучшится». (Патрик Словик, «Дзенник газета правна», 6 сент.)

- «Складывается такая система функционирования государства, в которой теоретически работают все демократические институты: суды, парламент, аудиторские и контрольные палаты, конституционный суд, уполномоченный по правам человека. Только вот все это по большей части лишь фасад. Ибо правящие круги методично создают свое постоянное конкурентное преимущество над теми, кто стремится к власти. Во-первых, это выражается в ограничении доступа к публичным ресурсам и средствам массовой информации. Во-вторых, в деятельности таких структур, как Польский национальный фонд. Неизвестно, на что он тратит государственные деньги. Нельзя не упомянуть и так наз. правовую дискриминацию (...), лишение оппозиционных депутатов иммунитета, финансовые взыскания, налагаемые на депутатов (...) и маргинализацию роли парламента», — Адам Боднар, уполномоченный по правам человека. («Жечпосполита», 24 авг.)

- «В Турции? Там президент сажает судей в тюрьму. (...) В Польше же, которая отличается от Турции своим членством в ЕС, судебная система уничтожается по-другому — посредством выхолащивания. Этот способ, известный в литературе как hollowing out, заключается в том, что формально институт сохраняется, однако лишается своего содержания и ключевых функций. (...) И поэтому всегда можно сказать, что трибунал, суд, совет работают, в то время как на самом деле они превратились в фикцию. (...) Как это делается? С помощью выдвижения посредственностей (mediocre appointments). Вместо квалифицированных специалистов (...) назначаются лица, не имеющие профессиональной квалификации, этической составляющей либо внутреннего “стержня”. Эти люди чувствуют безграничную благодарность за то, что их заметили и возвысили, и поэтому абсолютно лояльны по отношению к тем, кто их назначил. Более того, сохранить свои должности они могут только в том случае, если будут отстаивать позицию тех, кто их назначил. (...) Процесс выхолащивания демократических институтов при помощи назначения посредственностей начался у нас с Конституционного

трибунала. (...) Сегодня он вовсю идет в Верховном суде. (...) Не имеет значения, как уничтожать институты — ликвидировать ли их или превращать в пустышки. Эффект будет один и тот же — институты, призванные защищать правовое государство, не работают, поскольку не могут выполнять свои функции. А в такой ситуации политики могут делать все, что им угодно», — проф. Мартин Матчак. («Газета выборча», 6 сент.)

• «“Нужно сделать все, чтобы Польша была похожа на нынешнюю Турцию”, — заявлял Ярослав Качинский в 2014 году». (Кшиштоф Адам Ковальчик, «Жечпосполита», 16 авг.)

• «Польские власти внесли имя Людмилы Козловской, президента фонда “Открытый диалог” в информационную базу Шенгена, что влечет за собой немедленную депортацию из стран Евросоюза. “ПИС пыталась в принудительном порядке сменить состав правления фонда «Открытый диалог» и лишить его аккредитации при ЕС. Не вышло. Теперь они отчаянно пытаются мстить”, — так Людмила Козловская, гражданка Украины, прокомментировала решение, о котором узнала по прибытии в Брюссель в понедельник вечером». («Жечпосполита», 16 авг.)

• «Меня очень тревожит, что сегодня полиция может взять человека “на карандаш”, записав его данные, за неуместный с точки зрения правоохранителей вопрос в ходе публичного мероприятия во время избирательной кампании. И то, что полиция является к такому человеку домой в шесть утра. Это очень опасные симптомы. (...) Все, что делает правящая партия, поддерживают 40% населения, это примерно семь миллионов поляков. Правительство ПИС представляет чаяния и стремления части народа. Не всего народа, а лишь его части, которая в политическом смысле оказывается решающей», — Стефан Хвин. («Газета выборча», 1-2 сент.)

• «Авторитарная пропаганда превращается в убойное оружие на страницах независимой прессы, меняя само содержание понятия “Польша”. (...) Это не “Польша” объясняется в Брюсселе. В Брюсселе объясняется Моравецкий. Это не “Польшу” критикуют. Критикуют польское правительство. Это не “Польша” реформирует судебную систему, просто Качинский распорядился нарушить конституцию». (Якуб Бежинский, «Газета выборча», 1-2 сент.)

• «Мы окружены невежами, безропотным стадом идущими за теми, кто обещает все. (...) Я многое вижу отчетливей не только благодаря опыту жизни при коммунизме, но и благодаря прочитанным книгам, рассказывающим о зарождении авторитарной системы. У меня в этом смысле хорошая школа, так что красная лампочка загорается во мне довольно часто. А когда человек ничего не знает, то и загораться нечему», — Анда Роттенберг. («Газета выборча», 18-19 авг.)

• «ПИС поддерживает та часть общества, которая в силу различных факторов (в частности, более низкого уровня образования и достатка, места жительства и отношения к религии) легче поддается манипуляциям и подкупу. Экономика в порядке, хотя инвестиции по-прежнему невелики, а это значит, что экономическая ситуация нестабильна, люди получают от власти подарки, а бесчисленное количество новых налогов и пошлин изобретательно скрывается от населения либо мелкими, незаметными суммами распределяется по ценам на топливо и электроэнергию. (...) Большинство духовенства поддерживает ПИС и националистов. Масс-медиа о. Рыдзыка тоже стараются. В общем, перед нами довольно прочный союз бедности, невежества, душевных болезней и комплексов», — Влодзимеж Цимошевич, бывший премьер-министр, министр иностранных дел и юстиции. («Жечпосполита», 10 авг.)

• «Кто больше даст, за того и голосуют. (...) Польская деревня относится к Брюсселю как к щедрому, но не слишком любимому и внутренне чужому дядюшке, который ежегодно доплачивает к каждому гектару какие-то 200-400 евро. (...) Жители деревень не считают демократию какой-то высшей идеей, которой подчинена общественно-политическая жизнь. Они воспринимают ее как инструмент для достижения рациональной выгоды, помогающий, к примеру, укомплектовать органы власти и управления своими людьми. Это видно и по избирательной активности, которая растет на муниципальных выборах и слабеет во время выборов парламентских и президентских, не говоря уже о выборах в органы власти ЕС, которые мало кого волнуют. Кроме того, деревня гораздо позитивнее относится к идее авторитарной власти, которую нужно уважать, чтобы она была эффективной. (...) Сейчас, когда поток европейских денег начнет слабеть, власть готовится громко хлопнуть дверями ЕС. (...) Политики правящей партии разделяют точку зрения сельского населения, считающего, что кроме денег ничто нас в объединенной Европе не держит. (...) День, когда польская деревня почувствует, что деньги, поступающие из ЕС, постепенно заканчиваются, будет началом конца пребывания Польши в объединенной Европе», — проф. Ежи Вилькин. («Тыгодник повсехны», 12 авг.)

• «В Польше свыше 7,6 млн пенсионеров. Средняя пенсия составляет чуть больше 2100 злотых “брутто”. Минимальная пенсия — чуть больше 1029 злотых (на руки 880 злотых). (...) “В декабре 2017 года минимальная пенсия, выплаченная Управлением социального страхования, составила четыре гроша, а самая высокая —

21 100 злотых, включая патронажное пособие”, — сообщает Бартоломей Целеевский из пресс-службы Управления социального страхования». (Агнешка Уразинская, «Газета wyborcza», 4 июля)

- «СМИ подсчитали, что президента биржевой компании с участием Государственного казначейства меняют в среднем каждые 20 дней! Такая скорость свидетельствует, что причиной кадровых перестановок вряд ли являются вопросы, связанные с деятельностью компании. (...) Новый состав правления первым делом начинает тормозить процессы, запущенные его предшественником. (...) Заказывает разработку новой стратегии развития. На это уходит немало времени. Затем правление анализирует эту стратегию и вносит в нее коррективы. Наконец, объявляет о начале новой стратегии, и вскоре оказывается распущенным. И все начинается заново. Таким образом, важнейшие компании с участием Государственного казначейства целыми годами остаются без реальной стратегии развития», — Анджей Малиновский, председатель организации “Работодатели Республики Польша”, объединяющей предпринимателей. («Жечпосполита», 3 сент.)
- «Техосмотр машин, осуществляемый пилотами, а не техниками, бесконечные неисправности, сотни отмененных и тысячи опоздавших рейсов в течение месяца — таков предварительный итог управления национальным перевозчиком. (...) “Ситуация с безопасностью полетов еще никогда не была настолько драматичной, — говорит представитель пилотов польской авиакомпания “LOT” Адам Жешот (...). — Заказать кому-нибудь техосмотр самолета стоит денег, а их постоянно урезают. Поэтому самолет осматривает капитан, но на это у него есть только час перед вылетом. Все чаще бывает так, что при обнаружении неисправности, капитан ее просто фиксирует в документах, и самолет летит неисправный”. “Раньше после каждой посадки самолет в обязательном порядке осматривали механики, — добавляет вице-председатель Международного забастовочного комитета авиакомпании “LOT” Агнешка Шелогдовская. — Теперь же механика вызывают только в случае обнаружения неисправностей”. (...) По мнению председателя забастовочного комитета Моника Желязик, аварийные посадки у нас случаются в среднем раз в неделю». (Катажина Вежбицкая, «Пшеглэнд», 10-16 сент.)
- «ПИС открыла каналы социального, профессионального и финансового роста для своих сторонников, которые годами занимали последние места в своих сферах деятельности. Преданность действующей власти дает им шансы сделать головокружительную карьеру, поэтому они с энтузиазмом хуневейбинов приняли эту власть обслуживать. Это самая настоящая и довольно основательная революция “мелких сошек”. (...) Социальные программы обеспечили правящей партии поддержку беднейших слоев населения, национализм привлек на ее сторону всех, кто не нашел себя в стремительно меняющемся мире, но именно открывшиеся перспективы социального продвижения для прозябавших в роли “середнячков” гарантировало Качинскому мощную и уверенную поддержку новых элит. (...) Остается только вопрос — как Качинскому удалось до них достучаться? Ответ относительно прост — он сам когда-то был одним из них, и поэтому отлично понимает чаяния таких людей. Он возглавил эту революцию. Пока что с успехом». (Марек Мигальский, «Жечпосполита», 29 авг.)
- «Кумовство, nepотизм, покровительство — все это мы неоднократно наблюдали на протяжении трех десятилетий существования Третьей Речи Посполитой. В этих видах спорта правящая партия побилла все рекорды, однако запустила еще один, необыкновенно опасный механизм открытого использования государственной машины для сведения личных счетов. (...) Целые государственные секторы Качинский позволил выстроить на основе стремления к личному реваншу и личной же мести. (...) В самых серьезных конфликтах председатель ПИС руководствуется личными предубеждениями и желаниями реванша. (...) Построение государства, которое позволяет людям высшего ранга реализовывать свои низшие инстинкты — это дорога в пропасть». (Анджей Станкевич, «Тыгодник повсехны», 19 авг.)
- «То, что на протяжении нескольких лет происходит в Польше — это не столько политика, сколько автотерапия. Власть сама по себе тут не самое главное, она выступает только в качестве орудия мести. (...) Качинский говорил о профессоре Герсдорф с тем же презрением, с каким отзывался о Туске и Жеплинском. Что общего у этих трех человек? А вот что. Все помнят Качинского в те времена, когда он не был окруженным кордоном охраны хозяином Польши, а всего лишь самим собой. Туск знал его еще в те годы, когда Качинский сидел в приемной Валенсы, ожидая аудиенции. Герсдорф играла с ним в песочнице во дворе на Жолибоже. А Жеплинский с ним учился и был на военных сборах, где, на свое несчастье, наблюдал, как этот недотепа, ставший посмешищем всего батальона, плетется в последнем ряду. (...) Качинский ведь юрист. У него в свое время были научные амбиции. При этом главное его научное достижение — это кандидатская диссертация “Роль коллегиальных органов в управлении высшей школой”, имеющая мало общего с настоящей юриспруденцией, к тому же построенная в основном на цитатах из Берута, Гомулки, Циранкевича и Клишко. (...) Похожая история с Зёбро, который в свое время сдал квалификационный экзамен только со второго раза, и поэтому, спустя годы, дважды понижал в должности госпожу прокурор из экзаменационной комиссии, когда-то “завалившую” его на экзамене», — Томаш Лис, главный редактор. («Ньюсуик Польска», 9-15 июля)

- «“Это нельзя назвать “переменной к лучшему” в нашей правовой и демократической системе”, — так президент Дуда обосновал вето, наложенное им на проект закона о выборах в Европейский парламент. Как подчеркнул президент, принятый правящей партией в июле законопроект серьезно нарушает принцип пропорциональности». («Жечпосполита», 17 авг.)
- «Деятельность президента Дуды положительно оценивают 43,1% опрошенных, отрицательно — 51,5% респондентов. Опрос Института рыночных и социологических исследований, 7-8 сентября». («Жечпосполита», 14 сент.)
- «В годовщину подписания Августовских соглашений, давших начало движению “Солидарность”, премьер-министр Матеуш Моравецкий (...) откроет мемориальную доску в память об участии братьев Качинских в знаменитой забастовке на судовой верфи имени Ленина в Гданьске в 1988 году». (Кшиштоф Катка, «Газета wyborcza», 29 авг.)
- «Ситуация вызвала резонанс среди бывших работников верфи, политиков, а также журналистов. (...) “Поскольку установление мемориальной доски не было согласовано с председателем Качинским, открыта она не будет. Это решение высшей государственной власти”, — заявил вчера Кароль Гузикевиц, вице-председатель заводского профкома “Солидарности” на судовой верфи и деятель ПИС». (Иоанна Вишневская, «Газета wyborcza», 30 авг.)
- «Леха Качинского за все дни забастовки с 14 по 31 августа я видел всего один раз на протяжении каких-то пятнадцати минут. О существовании Ярослава Качинского я тогда даже не подозревал. Если он и появлялся на верфи, то разве что в гриме», — написал в своем Твиттере Ежи Боровчак. Вот какова роль братьев в событиях тех лет». (Роберт Валенчак, «Пшеглэнд», 3-9 сент.)
- Заявление конференции послов Республики Польша. «Открытие мемориальной доски проф. Бронислава Геремека состоится 19 сентября в Варшаве. Институт национальной памяти требует убрать из текста, размещенного на табличке, слова о том, что профессор Геремек был “одним из создателей демократической Польши” и подлинным “европейцем”. (...) При жизни его неумело и безрезультатно цензурировали коммунисты (...). Аналогичным образом поступает теперь Институт национальной памяти, пытаясь цензурировать достижения Геремека даже после его смерти. Пока живы те, кто был свидетелем тех лет, кто помнит и знает, такие действия будут решительно осуждаться». Под заявлением подписались 32 человека. («Газета wyborcza», 7 сент.)
- «На наших глазах начала переписываться история, из нее пытаются вычеркнуть великих деятелей. Началось с Леха Валенсы, а теперь я читаю, что профессор Бронислав Геремек тоже, оказывается, не был создателем новой, демократической Польши», — Ежи Штур. («Жечпосполита», 7 сент.)
- «Недавно он сказал, что это он вел переговоры о вступлении Польши в ЕС. Но ведь каждый знает, благодаря кому мы вступили в Евросоюз. И Матеуш Моравецкий тут совершенно не при чем! (...) Моравецкий был председателем Западного банка WBK, когда Барбара Хусев с мужем брала там кредит. И она помнит, как он тогда говорил в каком-то интервью, что его банк начал выдавать кредиты во франках, зная, что с этими кредитами могут быть проблемы. (...) “А уже в 2018 году в Давосе он лгал прямо в камеру, что Западный банк WBK был одним из немногих банков, которые этих кредитов не предоставляли. (...) Если он даже тут обманывает избирателей, страшно представить, как он лжет по другим вопросам”, — говорит Барбара Хусев». (Рената Ким, «Ньюсуик Польска», 27 авг. — 2 сент.)
- «Деятельность премьер-министра Моравецкого положительно оценивают 43,7% опрошенных, отрицательно — 51,3%. Опрос Института рыночных и социологических исследований, 7-8 сентября». («Жечпосполита», 14 сент.)
- «Сотрудникам Государственной службы охраны (ГСО) подняли специальную надбавку с 50 до 75% основного оклада. Также увеличен период выплаты этой надбавки — с шести месяцев до года. Это следствие новшеств, внесенных в закон о ГСО. За это в 2018 году мы заплатим почти четверть миллиарда злотых. В июне правительство также повысило зарплаты сотрудникам ГСО до 6 тыс. злотых. Работа в этой структуре сегодня является одной из самых высокооплачиваемых». («Жечпосполита», 21 авг.)
- «1 января 2018 г. в польской полиции была 4621 вакансия, в июне министр внутренних дел Ярослав Зелинский упоминал уже о 6283 свободных штатных должностях. (...) Больше всего не хватало людей в службе предупреждения преступности — 2652 вакансии». (Эва Роговская, «Пшеглэнд», 27 авг. — 2 сент.)

- «В Большом параде независимости в Варшаве принимали участие более 1,5 тыс. военных, 100 самолетов и истребителей, а также 200 единиц техники. Американцы представили самолеты F-22 Raptor и пусковые установки Patriot». («Жечпосполита», 16 авг.)
- «Оппозиция массово покинула официальные мероприятия. (...) Председатель партии “Гражданская платформа” подчеркнул, что польские вооруженные силы “уничтожаются и разрушаются”. Он также заявил, что ПИС стремится развалить европейское сообщество». (Павел Вронский, «Газета wyborcza», 16 авг.)
- «Военные пытаются как-то справиться с нехваткой снаряжения. Сложности возникают даже с обмундированием. Со складов забирают и модернизируют старые металлические каски. “Костяк” танковых войск составляют в основном устаревшие постсоветские танки Т-72, которые министерство обороны планирует ремонтировать, военно-воздушные силы главным образом состоят из тридцатилетних самолетов МИГ-29 и СУ-22 (вот уже несколько недель они стоят на земле вследствие аварии), а средний возраст польских кораблей составляет 32 года. (...) Предвоенную и нынешнюю власть объединяет также любовь к роскошным парадом и большим военным маневрам, призванным поддерживать патриотические чувства на должной высоте». (Марек Козубаль, «Жечпосполита», 1-2 сент.)
- «Во вторник министерство обороны Беларуси опубликовало удививший многих пресс-релиз о двусторонних межведомственных консультациях относительно “запланированного военного сотрудничества с Польшей”. В нем говорится о том, что два дня назад в Бресте состоялась встреча с участием делегации польского министерства обороны, возглавляемой полковником Томашем Коваликом. Подробности встречи, закончившейся в среду, белорусская сторона не разглашает. В польском оборонном ведомстве подтвердили факт встречи». (Марек Козубаль, Руслан Шошин, «Жечпосполита», 31 авг.)
- «В первом полугодии 2018 года Польша закупила у России на 40% больше природного газа, чем это было оговорено в контракте. (...) Ранее СМИ сообщали об импорте российского газа, добываемого на шахтах... Донбасса! Да, того самого Донбасса». («Пшеглэнд», 20-26 авг.)
- «34-летний чеченец Азмат Бадиев был депортирован из Польши в конце августа. (...) По дороге в аэропорт Бадиев попытался вскрыть себе вены. Это не помогло остановить процедуру депортации, после короткого визита в больницу система заработала вновь. В конце концов он был посажен на борт самолета, летевшего в Москву. (...) В ночь с 1 на 2 сентября около сотни вооруженных людей сначала окружили дом его родственников, а потом забрали Бадиева и вывезли его в неизвестном направлении. (...) “Трудно найти более убедительный пример того, насколько опасно выдавать России чеченских беженцев”, — комментирует Денис Кривошеев из “Amnesty International”. По его мнению, Польша, депортируя Бадиева в страну, где его жизнь и безопасность находятся под угрозой, нарушила свои международные обязательства. (...) Йоахим Брудзинский, министр внутренних дел и администрации, несет как минимум политическую ответственность за это решение». (Рафал Зыхаль, «Тыгодник повшехны», 16 сент.)
- «15 сентября от здания музея польской армии двинулся марш националистов. Активисты организации “Граждане Речи Посполитой”, выражая свой протест относительно фашистской идеологии, пытались этот марш задержать. Полиция силой сняла их блокаду националистического марша. Патриотическое шоу, состоявшееся в среду на площади Пилсудского (...), получает все больше отрицательных отзывов. (...) А все потому, что в день праздника польской армии на зданиях, окружающих площадь Пилсудского, благодаря проекторам повисли огромные красные флаги со свастикой — символом нацистского Третьего рейха». («Ангора», 26 авг.)
- «Считать 14 апреля днем крещения Польши можно разве что условно. (...) 14 апреля 1934 года в главном здании варшавской Политехники была подписана декларация о создании Национал-радикального лагеря. Именно в этот день члены нынешнего Национал-радикального лагеря отмечают годовщину создания своей организации. Идеологическое наследие Национал-радикального лагеря, основанное на крайнем национализме, расовой и религиозной нетерпимости, а также на дискриминации этнических и сексуальных меньшинств, для сегодняшних националистов служит идейной базой их деятельности в Польше. (...) Сделав 14 апреля государственным праздником, правящая партия распростерла над Национально-радикальным лагерем свои крылья и взяла его под свою опеку, причем не только политическую, но прежде всего юридическую. Уже со следующего года все манифестации националистов будут проходить в День крещения Польши. (...) Пополнив наш календарь государственных праздников днем 14 апреля, правящая партия фактически санкционировала в Польше язык ненависти и прямые отсылки к радикализму 30-х годов прошлого века». (Матеуш Маззини, «Тыгодник повшехны», 12 авг.)
- «Европейская академия безопасности (...) является подразделением охранного агентства “Дельта”, основанной во Вроцлаве Анджеем Брылем. Это бывший консультант польской полиции и армии, а также создатель (...)»

профессионального Центра специального обучения для силовых структур. (...) По данным портала Bellingcat.com, в последние три года академия минимум несколько раз обучала членов украинских неонацистских организаций. (...) Представители украинских крайне правых организаций проходили подготовку не менее двадцати раз». (Яцек Харлукович, «Газета wyborcza», 11 сент.)

- «Еще в 90-е годы в Польше было всего несколько экзорцистов, сегодня же их численность превышает полторы сотни. Больше, чем у нас, их только в Италии. В Германии, Швейцарии, Испании и Португалии нет ни одного. (...) В существование дьявола верит 41% поляков, 56% верят в существование ада. (...) На страницах портала Katolik.pl можно прочесть, что навыками, помогающими вовремя заметить дьявольские козни, обладает специально подготовленный и назначенный епархиальным епископом духовник-экзорцист». (Катажина Вежбицкая, Эва Роговская, «Пшеглэнд», 13-19 авг.)

- «В прошлом году в эфире телеканала “Република” главный редактор Католического информационного агентства Мартин Пшечишевский, ссылаясь на свои беседы с епископами, заявил, что в каждой польской епархии есть несколько педофилов. Это значит, что по всей стране их сотни, а численность их жертв исчисляется тысячами. (...) Архиепископ Юзеф Михалик прославился своими намеками на то, что это дети провоцируют священников на грехопадение». (Мачей Ярковец, «Газета wyborcza», 25-26 авг.)

- «Известно, что за последние полтора десятка лет суды общей юрисдикции вынесли обвинительные приговоры примерно шестидесяти священникам. Это легко подсчитать на основе сообщений в СМИ. (...) При этом все, что мы знаем относительно количества обращений потерпевших и вынесенных приговоров, может оказаться верхушкой айсберга. Такова природа преступлений на сексуальной почве. Эти преступления принято тщательно скрывать, и так происходит не только в Церкви», — о. Адам Жак из ордена иезуитов, координатор Епископата по вопросам защиты детей и молодежи. («Тыгодник повшехны», 16 сент.)

- «То обстоятельство, что в реестре явных педофилов нет священнослужителей, означает, что священники не совершали наиболее тяжких преступлений (к таким относятся, в частности, изнасилования с особой жесткостью)», — Себастьян Каледа, юрисконсульт, бывший пресс-секретарь министерства юстиции во время правления ПИС. («Газета wyborcza», 7 сент.)

- «Впервые в Польше на воротах и оградах костелов были развешаны детские ботиночки, перевязанные траурными ленточками. Это можно было наблюдать в трех десятках городов, главным образом в самых крупных, а также в Перемышле, Люблине, Освенциме, Колобжеге, Венгожеве... “Baby Shoes Remember” — это международная акция солидарности с жертвами священников-педофилов. (...) Министр Збигнев Зебро распорядился опубликовать публичный реестр осужденных педофилов. Марек Лисинский, председатель фонда “Не бойтесь”, пытался найти в этом реестре фамилии нескольких десятков осужденных священнослужителей. И не нашел ни одного. (...) Слишком уж тесен союз католической Церкви и государства». (Иоанна Подгурская в соавторстве с Енджеем Винецким, «Политика», 5-11 сент.)

- «Судя по финансовым документам юридических лиц, входящих в состав медиа-империи о. Тадеуша Рыдзика, данных о его экономической деятельности немного, зато загадок и неизвестных величин — хоть отбавляй. А в финансовых отчетах за прошлый год вообще сплошные чудеса. Пожертвования, объем которых вот-вот догонит доходы, и уставный капитал, распухший с 10 тыс. злотых до 166 млн злотых». («Дзенник газета правна», 9 авг.)

- «За десять лет количество католиков в Польше уменьшилось на два миллиона человек. За последние два года — на миллион. (...) Польша является глобальным лидером по части утраты веры представителями молодежи», — Нина Санкари, вице-председатель фонда им. Казимира Лыщинского, автора трактата “De non existentia Dei” (“О несуществовании Бога”), казненного в 1689 году». («Газета wyborcza», 8-9 сент.)

- «По данным опроса ЦИОМа, проведенного в июне 2017 года, уже каждый десятый поляк обзавелся хотя бы одной татуировкой. У половины опрошенных одна татуировка, почти у одной трети — две, у 19% — три и более. Есть и рекордсмены, у которых на теле десятки татуировок. (...) В Кракове насчитывается уже около тридцати тату-салонов, в Белостоке — свыше двадцати, а в Варшаве более трехсот». (Катажина Кубисёвская, «Тыгодник повшехны», 15 июля)

- «До недавнего времени, пока преследование кабанов человеком не выходило за обычные рамки, средняя продолжительность жизни кабана в Польше составляла полтора года, при том, что кабан в среднем живет 14-15 лет. Теперь же, когда сняты все охранные ограничения и можно стрелять даже в беременных свиноматок и молодых кабанчиков хоть круглый год, эта средняя продолжительность жизни стала еще меньше. На кабанов можно охотиться даже в национальных парках. (...) Право на убийство любого кабана, от молодых кабанчиков до беременных свиноматок, введенное министром Яном Шишкой — это просто цивилизационный позор. (...)»

Результаты массового отстрела кабанов могут иметь очень серьезные последствия для экосистемы», — проф. Анджей Элжановский. («Политика», 29 авг. — 4 сент.)

- «После Второй мировой войны бобры в Польше практически полностью вымерли. Их тогдашняя численность оценивалась в 130 особей. Сегодня численность бобров достигла 100 тысяч. (...) Региональные дирекции охраны окружающей среды издали постановления, позволяющие в течение ближайших трех лет уничтожить 27 тыс. бобров. (...) В 2017 году было застрелено около 1500 особей (...), а в 2016 году — 169 животных. (...) В 2016 году Региональные дирекции охраны окружающей среды выдали 304 индивидуальных разрешения на отстрел 5785 бобров, а в 2017 году — 235 таких решений на отстрел 5313 животных. (...) По данным Польского охотничьего союза, планы по отстрелу были выполнены чуть больше, чем на 6%». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска подзенне», 1-2 сент.)
- «Зубр в Польше и ЕС является редким охраняемым животным. (...) Согласия на отстрел (...) выдает генеральный директор охраны окружающей среды. Последнее такое решение (...) было выдано в сентябре 2017 года и действовало до конца марта 2018 года. Решение разрешало отстрел не более 40 зубров. (...) Также Беловежский национальный парк (...) получил разрешение (...) на отстрел 24 зубров. (...) В марте к этому добавились так наз. “срочные согласия” на отстрел еще 20 особей. (...) Мясо зубра дороже остальных видов мяса. (...) Им можно полакомиться не только в Гонёндзе — мясо зубра фигурирует в постоянном меню в ресторане дома отдыха “Бартковизна”. (...) Вареники из зубра имеются также в меню беловежского ресторана “Сточек 1929”. Татар из мяса зубра предлагает ресторан “Зубровка” в Беловеже. Отбивную и татар из мяса зубра подают в беловежском ресторане “Царский”. Татар из зубра и вареники с добавлением мяса зубра можно отведать в ресторане отеля “Бяловеский”». (Мартина Бельская, «Газета wyborcza», 5 сент.)
- «“Последние изменения в польском законодательстве допускают исключения из перечня лесохозяйственных работ, несущих угрозу охраняемым территориям”, — решила Европейская комиссия, и после жалобы экологов возбудила в отношении Польши формальную процедуру о нарушении законодательства Евросоюза». (Александр Гургуль, «Газета wyborcza», 22 авг.)
- «Всего в нескольких десятках километров на юг от Перемышля находится один из самых ценных природных объектов в Польше. (...) И хотя это место включено в проект “Природа 2000”, многие считают, что этого мало. Вот уже несколько десятков лет неправительственные организации добиваются создания на территории гмин Бирча, Фредрополь и Устшики-Дольне национального парка. (...) Турницкий национальный парк располагался бы на 17 тыс. гектарах, серьезно улучшив статистику относительно количества охраняемых территорий. В Польше национальные парки составляют всего 1% территории страны. Для сравнения: в Германии — 3%, в Италии — 5%. Однако эта инициатива всякий раз сталкивается с сопротивлением холдинга “Государственные леса” и местных властей. (...) Изменить эту ситуацию пытается фонд “Природное наследие”». («Тыгодник повсехны», 19 июля)
- «Производители искусственных материалов, владеющие предприятиями в Польше, не в состоянии удовлетворить потребности польских потребителей. (...) Растущий спрос вынуждает повышать импорт. В ближайшие годы ситуация может улучшиться, благодаря реализуемым и планируемым инвестициям». (Томаш Фурман, «Жечпосполита», 13 авг.)
- «Канадский альпинист, проводник и фотограф Жан-Пьер Данво разместил в интернете видеоролик, демонстрирующий огромное поле мусора, оставленное на месте базы Польской национальной зимней экспедиции на гору Чогори. “Все уже убрано”, — уверяет Петр Томала, председатель “Польского зимнего альпинизма”. («Газета wyborcza», 22 авг.)
- «Студенты ветеринарии проходят практику на бойне и не имеют права задерживать убойную линию, даже если что-то идет не так. Они должны привыкать к жестокости. (...) Чем больше убитых, тем лучше. Это ад. (...) Молодые студенты все это видят. Как показывают исследования, позже те, кто утратил чувство сострадания, идут работать в ветеринарные инспекции и занимаются сельскохозяйственными животными, при этом уровень их представлений о боли, лишенных научной основы, явно снижен. А те, кто смог сохранить в себе эмпатию, занимаются частной практикой и остаются верны своему призванию. (...) Я убежден, что животноводство превращает порядочных людей в хамов. (...) Притупление человеческих чувств — вот невидимая цена убийства животных. (...) Может, это и неполиткорректно, но я считаю, что исламский обычай резать горло животным во время праздников и в ходе ритуального убоя во многом объясняет агрессивность мусульман по отношению к другим людям, в частности, их манеру отрезать головы неверным и так далее. Все это разные стороны одного и того же насилия», — проф. Анджей Элжановский. («Газета wyborcza», 25-26 авг.)

- «Я не представляю ни одну партию. Это приглашение я принял исключительно потому, что, как гражданин, беспокоюсь о будущем демократии в Польше. ПИС установила в стране диктатуру большинства, не считаясь при этом с правами меньшинства. Нет никакого уважения к принципу разделения властей. У нас есть только исполнительная власть. Сегодняшняя Польша напоминает монархию, где один человек, председатель правящей партии Ярослав Качинский, словно во времена коммунизма, обладает неограниченной властью», — из выступления Ярослава Курского на конференции, посвященной нелиберальной демократии, которая состоялась во французском Национальном собрании в четверг 13 сентября. («Газета wyborcza», 14 сент.)
- «Поддержка партий: «Объединение правых сил» («Право и справедливость», «Согласие», «Солидарная Польша») — 37%, «Гражданская коалиция» («Гражданская платформа», «Современная», Барбара Новацкая) — 31%, Союз демократических левых сил — 9%, Кукиз'15 — 7%, крестьянская партия ПСЛ — 5%. Совокупная поддержка партий власти — 44%, оппозиционных партий — 45%. Опрос Института рыночных и социологических исследований, 7-8 сентября. («Жечпосполита», 11 сент.)
- «Надеюсь, что при помощи всех людей доброй воли нам удастся проконтролировать ход этих выборов», — премьер-министр Матеуш Моравецкий. («Газета wyborcza», 12-18 сент.)
- «Канцелярия Сейма приобрела двух специально обученных собак, которые будут помогать проводить досмотр автомобилей и ручной клади». («Жечпосполита», 12 сент.)

2: Экономическая жизнь

Уже в тринадцатый раз газета «Жечпосполита» и международная группа «Coface» представили рейтинг ведущих компаний 12 стран Центральной и Восточной Европы. В списке из 500 компаний — 175 польских. Сильное положение польских фирм просматривается уже в начале рейтинга: шесть позиций в первой десятке. В рейтинге «Европа 500» больше всего компаний автотракторной отрасли. Далее следуют сырьевая отрасль, топливная и торговля. Рейтинг показывает связи экономик региона с партнерами по Евросоюзу. Что касается Польши, то ее внешнеэкономические контакты особо интенсивны; это показывает список ведущих экспортеров, который был представлен на Экономическом форуме в Крынице. Используя благоприятную конъюнктуру, сложившуюся в Центральной и Восточной Европе, фирмы, обозначенные в списке, увеличили обороты суммарно на 12%.

В августе текущего года рынок новых автомобилей заметно оживился. Продажа легковых и малотоннажных машин более чем в полтора раза превысила прошлогоднюю. Август стал не только 41-м месяцем непрерывного роста регистрации новых автомобилей, но оказался также рекордным в отношении месячных продаж в XXI веке. Как сообщает Институт исследования авторынка «Samar», продажа легковых, грузопассажирских автомобилей и легких грузовиков (до 3,5 тонн) достигла почти 62 тыс. единиц. Это на 57,7% больше, чем в августе 2017-го. А совокупные данные начиная с января показывают рост продаж по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 17,3% (419,5 тыс. автомобилей). Еще более возросли продажи в секторе легковых автомобилей. За период январь—август продажи выросли на 18,1%, до 376,2 тыс. единиц. «Samar» прогнозирует, что по итогам года будет продано 535 тыс. автомобилей.

Газета «Жечпосполита» сообщает, что, по данным опроса, почти половина фирм в Польше, в том числе три четверти производственных, сталкивается с проблемами в привлечении новых работников. В охваченных опросом фирмах говорили, что прежде всего нехватка рабочей силы касается низшего и среднего звена персонала. Исследование показало также возрастающее влияние кадровых проблем на развитие предприятий. Если годом раньше 30% респондентов заявляли, что на их бизнес нехватка работников не оказывает воздействия, то в нынешнем году давших такой ответ стало меньше — 27%. Исследование показало также, что ограниченность трудовых ресурсов чаще всего сказывается на возможности принимать новые заказы. Почти каждая третья фирма признаёт, что имеет вакантные места, отсутствие работников на которых препятствует заключению новых контрактов. И фирмы отдают себе отчет в том, что вакансии будет трудно заполнить. Почти половина работодателей, сталкивавшихся в последние месяцы с проблемами в привлечении новых сотрудников, указывают на малочисленность кандидатов и несколько реже (33,% опрошенных) жалуются на то, что претенденты выдвигают слишком высокие требования по заработной плате или не обладают достаточной компетенцией. Дефицит рабочих рук заставляет с осторожностью подходить к заключению новых контрактов, что особенно заметно в строительстве, где недостает около 100 тыс. работников.

Граждане Украины приезжают на работу в Польшу охотно, но ненадолго. Каждый второй из прибывших намеревается работать в Польше от трех до шести месяцев. Как сообщает «Дзенник. Газета правна», только 5% намереваются работать дольше года. Чтобы заработать как можно больше, украинские работники стремятся трудиться больше установленного законом времени. На восьмичасовой рабочий день соглашается максимум 10% из приехавших на заработки. Очень многие готовы работать по субботам и воскресеньям. 41% опрошенных работников-украинцев рассчитывают на часовую оплату от 9 до 11 злотых. Это немного, учитывая, что минимальная часовая оплата в текущем году составляет 13,70 злотых. Более 20% опрошенных заявляют о своем желании остаться в Польше на постоянное жительство. Значительная часть заинтересована найти работу в других странах — в основном, в Германии (о таком желании сообщили 27% работающих в настоящее время в Польше граждан Украины).

Председатель «Права и справедливости» Ярослав Качинский в интервью одной из газет пообещал прибавку в 500 злотых к пенсии по старости. Как это может выглядеть? Например, как освобождение пенсий от налогов, единовременные выплаты или постоянная ежемесячная прибавка. Экономист Иоанна Тырович в газете «Жечпосполита» высказала сомнения касательно данного замысла: пенсии фактически выплачиваются из государственного бюджета, а с них взимается подоходный налог, который поступает в бюджет, — давно следовало бы отказаться от такого перекалывания денег из кармана в карман. Если такого рода прибавка касается только самых низких пенсий, это окажется откровенной пропагандистской игрой, поскольку маленькие пенсии и так освобождаются от налогов. Иоанна Тырович также ставит под сомнение целесообразность доплат к пенсиям. Если это произойдет одновременно, в особенности в год выборов, то это будет обычный популистский прием, если же доплаты предполагаются постоянными, то почему бы не повысить все пенсии? Но потянет ли бюджет? Денег на это законом о бюджете не предусмотрено. Можно, однако, это изменить, вписав поддержку пенсионеров в расходную часть бюджета. Пособие на детей («500+») тоже вызывало сомнения, но уже три года выплачивается.

По поручению газеты «Жечпосполита» Институт исследования рынка туризма «Traveldata» подготовил рейтинг бюро путешествий. Насколько прошлый год был для туроператоров исключительно трудным (исследователи считают, что политические события в стране и за рубежом не располагали к выездам), настолько в нынешнем году ситуация благоприятная. Президент Института «Traveldata» Анджей Бетлей обращает внимание, что заграничные поездки стимулируются сокращением безработицы, ростом зарплат (и соответственно, улучшением потребительских настроений), а также дополнительной «инъекцией» денег по программе «500+». Продажа туристических поездок на летний сезон возросла почти на 60% по отношению к тому же периоду прошлого года. Бюро путешествий конкурируют уже не только в ценах, но в новых формах услуг. Например, туристическая фирма «Rainbow» организовала в нынешнем году в нескольких пунктах в Греции и в одном в Хорватии «польские зоны», в которых организуются ежевечерние развлечения. Турбюро «Itaka», в свою очередь, предложила круизы по Средиземному морю на судне с польским экипажем.

Е.Р.

3: Бюджет 2019, скроенный под выборы и медленный рост

Проект плана доходов и расходов Польши на 2019 г. предполагает снижение дефицита и увеличение налоговых поступлений на 5%.

Правительство рассчитывает в 2019 г. на существенный рост доходов бюджета. Он вытекает из по-прежнему сильного (хотя и не такого интенсивного, как в этом году) экономического роста, увеличивающейся инфляции, а также вводимых налоговых новшеств. Изменений ставок не планируется, зато финансовое ведомство вводит новые механизмы, герметизирующие систему, такие как Телеинформационная система счетной палаты, сплит пеймент, а также фискальные онлайн-кассы. Однако вместе с тем в жизнь входят решения, поддерживающие предпринимателей, как например: девятипроцентная ставка подоходного налога с юридических лиц для малых и средних фирм, корректировка налоговых льгот в инновационной сфере или низкая ставка социального страхования. Планируется также увеличить участие гмин в поступлениях из подоходного налога для физических лиц.

Больше всего дополнительных поступлений в бюджет ожидается из НДС. Доходы от этого налога должны вырасти с планируемых на конец этого года 167,3 млрд до 179,6 млрд злотых. «Ожидается, что частное потребление, которое составляет подавляющее большинство налоговой базы НДС, вырастет в 2019 г. номинально на 5,9%», — написало Министерство финансов в обосновании к проекту закона. Положительные тенденции в сфере подоходного налога для физических лиц, такие как увеличение средней заработной платы на 5,6%, а пенсий и пособий из Фонда социального страхования на 3,9%, также должны гарантировать увеличение поступлений в бюджет почти на 4 млрд злотых. Доходы бюджета будут, однако, расти медленнее, чем в последние годы, что связано как с ожидаемым снижением темпа экономического роста, так и с тем, что наибольшая прибыль от герметизации системы налогообложения уже позади.

— Темп роста ВВП будет примерно на один процентный пункт ниже, чем в этом году. Между тем правительство устанавливает дефицит на 2019 г. в том же размере, какой ожидается у нас в конце этого года. Это будет непросто, — говорит главный экономист Польского совета бизнеса Януш Янковяк.

Расходы бюджета будущего года должны достигать 415 млрд злотых и быть выше на 18,2 млрд злотых, то есть на 4,6% больше по сравнению с планируемыми на этот год. Внешне эти цифры кажутся привлекательными, но есть целый перечень растущих постоянных затрат, и это приводит к тому, что на новые расходные позиции не остается места. Например, увеличение лимита расходов на Министерство обороны составляет 3,5 млрд злотых, размер валоризации пособий и пенсий — 6,9 млрд злотых, а планируемые повышения в бюджетном секторе — 2,4 млрд злотых. Новые статьи расходов, такие как пакет «Хороший старт», который обошелся в 1,4 млрд злотых, или готовящиеся минимальные выплаты для многодетных матерей, не столь затратны, как ключевые предложения ПИС, с которыми эта партия победила на выборах в 2015 г.

Матеуш Моравецкий и Тереза Червинская хотят уменьшить дефицит бюджета и удержать дефицит сектора публичных финансов на уровне ниже 3%. Это должно обезопасить ситуацию в сфере финансов на ближайшие годы при вероятном замедлении роста. Вместе с тем им придется сопротивляться очередным идеям, рассчитанным на избирателей. До сих пор бюджетные переговоры шли главным образом на управленческом уровне. Ведомства прислали свои предложения расходов будущего года, на этом основании министерство Терезы Червинской составило проект, сокращая эти предложения.

— Сокращений было больше, чем обычно, — говорит один из членов правительства.

Между тем ПИС и правительство участвуют в избирательном марафоне, и более высокие бюджеты ведомств — это тоже признак политического влияния их руководителей. Поэтому предварительное принятие закона о бюджете Советом министров означает успех премьера и руководителя Министерства финансов, но нельзя исключать, что окончательные решения будет принимать председатель ПИС. Вопрос в том, поможет или помешает бюджет удержать власть партии? Для ПИС ключевые группы избирателей — это пенсионеры, деревня и семья. Партия окажет сильное давление, чтобы подготовить для этих групп новые предложения, которые принесут очки на выборах.

— Бюджетные споры — суть политики. Гражданин ощущает действие этого закона на своем кармане. Бюджет — это серый кардинал политики, — отмечает политолог Рафал Хведорук.

Министр финансов Польши Тереза Червинская уже несколько дней пыталась охладить расходные ожидания, отмечая, что в оценке состояния финансов не следует отталкиваться от нынешней хорошей конъюнктуры и удерживающегося несколько месяцев излишка в бюджете. Динамика роста ВВП должна в будущем году замедлиться и упасть ниже 4%, а нынешние излишки через какое-то время обратятся в дефицит, который до конца года будет углубляться. Эти аргументы должны были убедить ее коллег из правительства, которые в год выборов настроились на большие расходы. По мнению руководителя Министерства финансов, для этого нет условий, а период быстрого темпа развития надо использовать, ограничивая дефицит не только в государственной казне, но и в целом секторе публичных финансов. Министр финансов Тереза Червинская в интервью для издания «Дзенник — Газета правна» поделилась своими опасениями, что если в бюджете следующего года не будет фискальной консолидации, то нами заинтересуется Европейская комиссия.

4: Европа подает на развод с Америкой. Мы стоим у края истории?

Мы приближаемся к серьезнейшему стратегическому повороту с 1989 года. Двое самых серьезных игроков континента — Франция и Германия — посылают разводное письмо Америке, самому главному на сегодня союзнику Европы. Возможно, мы как раз оказались у края истории, но в Польше этого никто не видит. У

нас бал на «Титанике», «все показатели у нас растут», и никакой концепции, что делать дальше. Для интернет-журнала “Magazyn TVN24” пишет Павел Коваль.

За последние дни прозвучало два необыкновенно значительных заявления, которые могут положить начало проектированию новых оборонительных союзов в нашей части мира. Эммануэль Макрон в ходе встречи с французскими дипломатами сказал, что Европа «не может дольше полагаться» на США в вопросах безопасности.

— Партнер, с которым Европа строила новый послевоенный порядок, очевидным образом отворачивается от этой общей истории, — отметил президент Франции.

Несколькими днями ранее Хайко Маас, министр иностранных дел Германии, зашел еще дальше. Он написал, что Европа не может полагаться на Вашингтон, как прежде, и даже должна создать военный противовес Соединенным Штатам.

Итак, ссорится атлантическая семья, благодаря которой мы чувствовали себя в безопасности, и появляются вопросы, каково будет место Польши в этом пазле.

На краю эпохи

Люди никогда не знают, что живут на краю эпохи. Им кажется, что плохие тенденции минуют, что политика как-то сложится. Конечно, вспыхивают войны, есть жертвы, дипломаты обмениваются нотами, а политики произносят заявления. Эмоциями диктуются политические жесты и слова, которые в глазах современников отделяют от реальных действий, кажется, световые годы. Тем временем, «словам» в политике быстро удастся стать новой действительностью, которая, порой, уже не позволяет вернуться в старый мир.

А может быть, всё еще хуже? Может быть, текст Хайко Мааса описывает действительность, которая уже есть? Так бывает в политике чаще всего: то, что уже оговорено и решено в кабинетах, представляют в публичных заявлениях.

Текст Мааса, в сущности, не является статьей о необходимости создания европейской армии. Это уже большой шаг к разводу с Америкой. С польской точки зрения, он происходит в сложный момент экстремального напряжения во внутренней политике и ослабления нашего международного положения. Польша не готова к разводу старой Европы с США. В Польше сегодня нет никакого серьезного сценария действий на случай распада западного мира. Даже хуже — в Польше нет осознания того, какие последствия будет иметь для нас такого рода развод. Кроме того, поляки по своей природе недооценивают влияние внешних игроков на нашу ситуацию, и многие представители элит, действительно, верят, что в современном мире, в центре Европы, можно быть самому себе и штурвалом, и мореплавателем, и кораблем.

На самом деле, всё, что произошло в Европе после 1991 года, делалось под американским зонтиком, в особенности, польская трансформация. Ведь, если подумать, после почти полувека коммунизма и повсеместного проникновения Советского Союза, у Польши не было возможности остаться сильным государством в центре Европы без поддержки Америки и западных союзников (а также исключительной, в том числе политической, роли Иоанна Павла II).

Ведь «демократическая Россия» стала историей уже в 1994 году, когда Ельцин решил ввести войска в Чечню. Если кто-то считает, что реформы в Польше были возможны за счет одних лишь «собственных сил», ему нужно внимательно проштудировать историю стран, которые не получили вовремя такой поддержки, либо получили ее, но в меньшей степени, как Болгария или Украина. Если бы не исключительное историческое стечение обстоятельств в период ослабления российской империи в конце 80-х годов прошлого века, то мы имели бы на Висле олигархию, СМИ, подчиненные жуликоватому бизнесу, и т.д. Без международных подпорок Третья Речь Посполитая была бы всего лишь ПНР-2. Однако теперь перед нами вдруг встает вопрос: что делать, кода наша *belle époque* Прекрасная эпоха (франц.) — условное обозначение периода европейской истории между последними десятилетиями XIX века и Первой мировой войной — Здесь и далее примеч. пер.¹ неожиданно подойдет к концу?

Веймарский вариант

Идем с Германией и Францией — этот вариант многим кажется наиболее естественным. Германия близко, с ней у нас самая большая сеть торговых связей. Нужно бы сделать так: мы стараемся повлиять на форму нового Европейского союза, поскольку очевидно, что в этом варианте возникает новый союз еще более близкого сотрудничества. Конечно, этот сценарий требует прекращения конфликтов с партнерами к западу от Одера: Германией и Францией. Правда, он содержит несколько важных элементов.

Во-первых, неизвестно, насколько стабильна немецкая система. Глядя на беспорядки в Хемнице или рост рейтингов АДГ^{АДГ (Альтернатива для Германии)} — правоконсервативная и евроскептическая *партия* в Германии.², нельзя гарантировать, что немецкая версия популизма и радикализации не удивит как нас, так и самоуверенные берлинские элиты. Может оказаться, что правая Германия недружелюбно настроена к Польше, а попытки взаимодействия Польши с США в таких вопросах, как энергетика, могут быть даже истолкованы как предлог для нагнетания обстановки.

И самое главное: даже если бы система в Германии была стабильной, а во Франции президент Макрон имел 80, а не 30% поддержки, у Европы сегодня нет даже минимальных предпосылок, чтобы полагать, что она вернется к политической самодостаточности, которую, фактически, она утратила еще столетие тому назад. Уже нет соответствующего потенциала, она не в состоянии сама себя защитить. Более сильнее игроки высказываются сегодня за независимость, но после расставания с США они могут по отдельности начать искать себе новых покровителей.

Самостоятельная Европа станет предметом постоянной игры мировых держав: Китая, России и США. Крупные страны как-нибудь найдут свое место в такой Европе, малые подстроятся под крупных патронов. Хуже всего будет таким странам, как Польша — средним, у которых много интересов, но они не в состоянии выстроить соответствующую позицию, чтобы защитить эти интересы, и всегда проигрывают крупным игрокам. Ничто не указывает на то, что в новой немецко-французской Европе мы сумеем выторговать себе прочные гарантии безопасности. Политиков злой воли достаточно и на Западе. Нынешние бесконечные раздоры с европейскими институтами, в которых некоторые западные популисты ассистируют Польше, будут тогда использованы для дезавуирования нашей страны как государства, склонного к ссорам, погруженного в историю, не желающего сотрудничать.

Сентиментальный вариант

Вариант второй: идем с Америкой. Только ждет ли нас там кто-нибудь? Для старой Америки времен нашей *belle époque* мы были важным элементом пазла, образцом трансформации. Но той Америки уже почти не существует. Карта стратегических интересов США начала меняться еще при президенте Бараке Обаме. Именно тогда они сосредоточились на борьбе за сохранение американских позиций на Тихом океане. Дональд Трамп лишь поставил точку над «i» — напомнил американским избирателям о традиции унилатерализма^{Унилатерализм — доктрина или программа, которая поддерживает односторонние действия.}³ и изоляции от остального мира. Можно сказать, что Трамп произнес вслух то, чего старый добрый вашингтонский истеблишмент никогда не позволил бы высказать президенту Обаме — что НАТО уже не слишком интересуется Америкой.

Трамп нашел в истории, в том числе американской истории после первой мировой войны, обоснование для нынешней политики. Он старается делать в точности то, что делал Конгресс после Первой мировой войны: в расчете на аплодисменты и голоса он отрывает Америку от Европы. Уже мало кто помнит, что за политику отсутствия интереса к другим Америка заплатила огромную цену после нападения на Пирл-Харбор в 1941 году.

Даже если бы нынешний президент был смещен со своего поста или просто не избран на новый срок, старые времена не вернутся. Соединенные Штаты сегодня не такие, как во времена Рейгана, Клинтона и Бушей, и поэтому каждый последующий президент США в первую очередь будет согласовывать свой подход с этой современной Америкой. Борьба с популистами за голоса потребует повторения тех же популистских лозунгов, но в более мягкой форме — чтобы Америка занялась Америкой. В ситуации ссоры с Францией и Германией начнут уходить американские инвестиции, а через несколько лет, поскольку армия реагирует медленнее всех, подоспеет и дискуссия о сворачивании военного присутствия в нашей части континента.

Вариант, на первый взгляд, умный

Последний вариант — это «ни с теми, ни с другими». На первый взгляд, «хитрое» решение: в нем мы не декларируем, кого поддерживаем, один раз заключаем один союз, в другой — договариваемся с кем-то другим. Это типичная «многовекторная политика». В националистических кругах появляется мысль о том, чтобы пойти «своим путем». Идеология многовекторности польской политики напоминает иллюзии некоторых польских политиков в период после 1989 года, а в особенности, подход к стратегической политике, присущий президентам Украины Леониду Кучме и Виктору Януковичу. Польша сегодня — глубоко разделенное государство, в котором всё труднее достичь общей позиции между главными партиями, не говоря уже о меньших. «Многовекторная» Польша, без четких связей, растаскивалась бы направо и налево очередными правительственными командами до тех пор, пока стабилизацию в Варшаве не попытались бы внести русские.

Что делать?

Для Польши пока нет хорошего решения в сценарии развода Европы с Соединенными Штатами. В международных делах мы — страна двух сильных эмоций. Первая — это комплекс неспособности. Поляки, например, не осознают силы польского языка в регионе, они сами отрицают то, что мы могли бы влиять на решения в ЕС или НАТО. Словом, восприятие собственной слабости у нас больше, чем действительная неспособность. Вторая эмоция — почти параллельная — это представление о себе как о Христе народов. Исторический мессианизм при реальном потенциале современной Польши, к сожалению, граничит с манией величия. Эта двухфазная, полная противоречий самооценка (то «мы ничего не значим», то «мы — мессия народов») парализует нас. Тем временем, во времена больших перемен следует найти тропинку посередине. Значит, нужно осознавать, что в одиночку мы не остановим крушение Запада, но можем замедлить некоторые процессы.

Нежелание иметь большее количество детей, сильная склонность к поиску работы за границей, а также быстрая секуляризация младших поколений, диктуют сдержанность в наших обещаниях спасти континент или — как говорил премьер Моравецкий — даже вновь христианизировать его. Однако кое-что мы можем сделать, чтобы помочь хотя бы самим себе. Во-первых, не ускорять невыгодные для Польши процессы, то есть распад политических структур Запада. Речь идет о том, чтобы постоянно не дезавуировать их ради только внутренних потребностей, чтобы не концентрироваться лишь на их слабостях, но показывать и эффективность в определенных областях. Так нужно действовать не только потому, что в течение трех десятилетий мы были бенефициарами атлантического марьяжа. Прежде всего потому, что на горизонте нет никакого лучшего предложения, заслуживающего доверия, а оказаться лицом к лицу с путинской Россией — это, скорее, плохой вариант. Второй совет: работать над альтернативными сценариями или кризисными решениями на тот случай, если бы фактически произошел распад НАТО или более глубокое проседание Европейского союза, но всё-таки по-прежнему делать ставку на преодоление кризиса Евросоюзом и Североатлантическим альянсом.

Премьер распространяет представление о Польше как о связном для разделенного Запада. Более того — польская дипломатия на разных уровнях старается играть посредническую роль. Однако всё это может дать лишь частичный эффект, и только при условии, что внутренняя ситуация в Польше успокоится. Поэтому третий совет: нужно перестать верить в миф о том, что можно отделить внутренние дела от международных. В одном мы должны быть такими, как Израиль или Япония. Нужно максимально усилить государственную структуру и втянуть в эту систему оппозицию. Польша нуждается в таких формальных, гарантированных конституцией решениях, которые сделают невозможным уход от ответственности за безопасность государства для какой-либо из главных политических сил, если она не входит в правительство.

Не работает ни Совет национальной безопасности, ни какой-либо орган, который был бы форумом для согласования позиций по важнейшим вопросам. Для некоторых представителей власти идеалом является такая оппозиция, которая может сказать не больше, чем эндеки^{Эндеки — представители Национально-демократической партии, существовавшей в Польше в 1897–1947 годах.} во времена санации, и даже президент, который решает не больше, чем Игнаций Мосцицкий^{Игнаций Мосцицкий — президент Польши (1926–1939).} до войны («то же значит, что Игнаций, а Игнаций...^{Поговорка, которую адресовали И. Мосцицкому: «То же значит, что Игнаций, а Игнаций хрен что значит».}»). Можно понять, когда порой не хватает денег на фрегаты, но если, не дай Бог, случится что-то плохое, то на этот раз история уже не простит нам, что в трудное время не по карману оказалась пара чашек кофе для встречи лидера правящего лагеря и главы оппозиции.

